

**Нави Севенсон
Аркадий Банов**

Записки охотника

Нави Севенсон
Аркадий Григорьевич Банов
Записки охотника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70480486

SelfPub; 2024

Аннотация

Вернувшись домой из долгих скитаний по необъятным просторам родины, я получил от мамы в дар старые, потрёпанные тетрадки. Это оказались дневники моего отца. Читая незамысловатые строки рукописей и улыбаясь сквозь текущие по щекам слёзы, я понял, от кого мне досталась тяга к писательству. Взявшись написать эту книгу, я твёрдо решил, что она будет состоять на 99% из этих дневников. Я не стал изменять ни стилистику, ни написание, ни слог. Пусть эта книга пропитается духом прожитых лет Сибирского романтика, и каждый, читающий её, прочувствует первозданное волшебство и глубину души моего отца. Посвящается памяти Банову Аркадию.

Нави Севенсон

Записки охотника

***

Осенью, недалёкого 1954 года, в украинском селе Михайловка, появился на свет самый обыкновенный человек. Отец и мать, этого человека, дали ему имя Аркадий и принялись за воспитание, теперь уже третьего в их семье сына.

Отец, Григорий Тимофеевич, молдованин, горячий и вместе с тем гордый и независимый человек, перестроивший в молодые годы свою молдавскую фамилию Банул на русский лад – Банов, отыскал своё семейное счастье в несчастье. Попав под беспощадную Сталинскую руку, он был этапирован на десять лет в Сибирь. Отбыл срок и, вместо того чтобы вернуться домой, женился на Илимской девушке, коренной сибирячке, кроткой и несмелой Шуре Слободчиковой, и остался в Сибири.

Тяжело было им в те годы налаживать свою жизнь. Приходилось, что называется, гнуть горб до предела. И вот, в поисках лучшего, молодая семья начинает мотаться по всему белому свету, как заядлые кочевники. Об этом красноречиво говорят первые документы их детей – свидетельства о

рождении.

Первый сын, Валерий, родился в 1949 году на дальнем Севере. Второй, Сергей, в 1953 году в Хобаровском крае. Третий, то есть я, полтора года спустя, на Украине. Четвёртый, Александр, в 1960 году в большом сибирском посёлке Заярск, который в данный момент находится на дне Братского водохранилища. И наконец младшая, Ольга, родилась в 1966 году в посёлке Чистая Поляна Нижне-Илимского района. Как и водится, в плохо обеспеченной семье, появляется куча детей. Но годы идут, времена меняются, меняется жизнь. Отец и мать, в результате кропотливого труда, постепенно обеспечили семью всем необходимым.

Продолжая кочевать, как перелётные птицы, в 1966 году наша семья перебралась в Братск, а спустя два года, в Усть-Илимск. Здесь и обосновались наши родители уже в преклонном возрасте, изрядно потрепав своё здоровье. Здесь, в Усть-Илимске, начали устраивать свою жизнь и их дети.

Как-то так получилось, что не нашли мы, братья и сестра, общего дела. У каждого появились свои взгляды, свои интересы. И хотя рано ещё говорить об Ольге и ещё можно умолчать о Саньке, но я и мои старшие братья, совершенно разные люди.

Но я слишком далеко забежал вперёд. Не буду спешить. Начну свои описания с 1970 года. Почему именно с семидесятого? Этот год явился для меня переломным. Я никогда в жизни не забуду семидесятый год.

Как ни странно, от всего моего детства в моей памяти осталось лишь плохое, да и хорошего было мало. До девятого класса в школе, у меня не было особых интересов. Так, всего понемногу.

В 1970 году я закончил девятый класс, отработал практику, затем остался на предприятии, поработать ещё месяц. Здесь я впервые принёс домой получку. После этого, посоветовавшись с родителями, еду к дяде Толе на Чистую Поляну, к брату моей матери. Еду просто отдохнуть. Вслед за мной, к своему сыну, прикатила моя бабка, а уж за ней увязался Санька.

Дядя Толя, бывший кадровый охотник, имеющий не мало почётных грамот за свой тяжёлый, но нужный труд, и по всему этому заядлый рыбак. Гостей он встретил радушно и уже на третий день позвал меня в лес за грибами. Ходили не далеко, но прогулка была увлекательной. В следующий раз, дядя Толя, взял с собой собак и тозовку, затем мы взяли Саньку. И уже в эти грибные походы я постепенно стал проникаться симпатией к таёжным путешествиям. Старался не отставать от опытного таёжника, испытывал приятное чувство, когда дядя Толя давал мне стрелять из тозовки. С чувством глубокого уважения смотрел на охотничьих собак, умных, смышлёных.

Однажды, когда дядя Толя уехал в Нижне-Илимск, я взял тозовку, патроны и, вдвоём с Санькой, а вернее в сопровождении всё тех же собак, мы отправились в тайгу. Здесь я

впервые видел живых рябчиков. В одного из них стрелял три раза, но настолько велико было моё волнение, что попасть мне так и не удалось.

В конце августа, уже перед тем как ехать домой, мы, с дядей Толей, поехали на залив Братского водохранилища порыбачить и, на всякий случай, прихватили с собой ружьё. Когда же мы встретили на заливе диких уток, то забросили все свои рыболовные снасти. Дядя Толя вручил мне вёсла, и все три дня, отведённого нам времени, я прилежно исполнял роль гребца на нашей небольшой лодке.

За всю охоту я не сделал ни одного выстрела, но моему возбуждению не было придела. При каждой удаче я ликовал гораздо больше, чем сам охотник. Всякий раз, подгребаясь к стае уток, я, и без того невеликого роста, старался стать ещё меньше, незаметней. Меня всего пронизывал приятный холодок. Я изо всей силы старался грести бесшумно, давая возможность дяде Толе сократить расстояние до цели. В награду за моё усердие, дядя Толя просто поражал меня своей меткой стрельбой.

С тех пор в моей жизни словно что-то перевернулось. Я был заражён охотой крепко накрепко. Казалось бы, чего проще, купи ружьё и ступай себе в тайгу. Но мой отец не охотник. Он строго настрого запретил иметь в доме ружьё, а уж надо мной, учеником десятого класса, он как-никак власть имеет. Да и кто разрешит мне иметь ружьё, ведь мне ещё нет шестнадцати.

Однако мои мысли заработали в одном направлении и уже ни какие силы не в состоянии были повернуть их обратно. Я начал копить деньги. Какая-бы копейка не появилась у меня в кармане, я неизменно откладывал её в копилку.

Да, дурное время я пережил тогда. Глубокой осенью, когда уже опали листья с деревьев и вот-вот должен был выпасть снег, меня вдруг с такой силой потянуло в тайгу, так захотелось побыть наедине с природой, как хочется иногда человеку вернуться к себе на родину, где прошло его детство, где он вырос и где не был долгие годы. Я заскучал, мало того, затосковал. Возможно здесь сказалось то, что у меня не было друзей, и от этого одиночества я замкнулся ещё больше.

Однажды я не пошёл в школу, весь день проболтался в лесу. Немного позднее это повторилось, и как знать, может быть и остались бы в тайне эти походы мальчишки, загрустившего в одиночестве, затосковавшего по тайге, но об этом стало известно родителям. В довершение ко всему мать нашла у меня деньги, мои сбережения. Что ж тут было! Отец и мать решили, что я собрался бросить школу, что я замешан в какую-то воровскую шайку и т. д. Несколько дней подряд в доме царил атмосфера скандала. Я ужасно не люблю этого, поэтому замкнулся в себе ещё глубже, но это лишь подливало масло в огонь. С содроганием вспоминаю я теперь эти дни. Меня можно было тогда назвать трудным подростком, хотя, к счастью, никогда я им не был. Да и школу бросать я вовсе не собирался.

Прошло время, утих скандал, наладились мои дела в школе, дома всё встало на свои места, и лишь в мыслях я остался непоколебим. Я по-прежнему мечтал о тайге, об охоте. Только теперь уже я стал немного хитрее. Моя копилка снова стала наполняться, правда помедленнее.

Я до сих пор отчётливо помню день, когда выпал первый снег. Это было третьего октября. Самым чёрным днём остался он в моей памяти, сам не знаю почему. Мне так хотелось лета, чтобы снова зазеленела трава, зацвели цветы, ожил лес. Мне казалось, что это всё не вернётся теперь целую вечность. Зима. Я не находил тогда особой прелести в этой поре года. Жгучий холод, короткие дни и кругом снег, снег, снег.

Но именно зимой я и начал ходить в тайгу. Моим первым проводником и первым учителем стал Вовка Тацюк, одноклассник Сергея, по прозвищу «Чёрный медведь». Однажды он пригласил меня в тайгу, в зимовье, которое он помогал строить своим друзьям. На дворе стоял морозный ноябрьский вечер. Ночь перед походом мы решили провести у Вовки. Я собрал рюкзак, оделся соответственно погоде, попрощался с родителями, которые весь вечер недоверчиво поглядывали на меня и Вовку, сунул незаметно в карман девять рублей, который успел насобирать, и мы с Вовкой отправились к нему домой.

– Одно беда, ружья нет у меня. – вздыхал я. – Как бы то ни было, а второе ружьё надо.

– Сейчас зайдём к одному моему знакомому. – сказал Владимир. – Может быть я и выпрошу у него ружьишко. У тебя с собой никаких денег нет? – спросил он меня.

Не понимая для чего они ему нужны, я, однако, достал из кармана деньги и отдал товарищу. Когда мы подошли к дому Вовкиного знакомого, он сказал:

– Подожди меня здесь, я найду один. – Если это был расчёт, то верный. Я действительно не внушал доверия своим видом. Мал, неказист, лицо совсем мальчишеское. Я послушно остался на улице.

Этот вечер был для меня особенным. Я уходил в тайгу и настроен был только на это. Поэтому всё вокруг мне казалось прекрасным. Чистое звёздное небо, сверкающий от уличных фонарей снег и тихий, свежий, морозный воздух.

К моему удивлению ждать мне пришлось недолго. Когда Вовка вышел из дома своего знакомого, у него в руке было ружьё. Он подошёл ко мне, протянул его мне и произнёс спокойным, но показавшимся для меня таким торжественным голосом:

– Возьми, это теперь твоё ружьё. Я купил его на твои деньги!

Можешь ли ты, читатель, представить себе ту радость, которая охватила меня. Вот оно, моё сокровище, моё заветное желание, у меня нет слов, я ликую! Вовка, как же я тебе благодарен, ведь у меня в руках моё собственное ружьё!!! И не беда, что оно старое, всё перебинтованное, зато оно моё! Так

мне досталась моя первая в жизни одностволка, бескурковка, шестнадцатый калибр. На первое время Вовка снабдил меня всем необходимым: гильзами, порохом, дробью, капсюлями и даже пулями.

С тех пор, едва не каждый выходной, мы с Владимиром неизменно отправлялись в тайгу, в зимовье, которое стало для нас вторым домом, несмотря на то, что у него не было ни печки, ни крыши. Эти мои первые походы запомнились мне на всю жизнь. Уходили из дома ранним утром и приходили домой глубокой ночью уставшие, разбитые, с пустыми рюкзаками и патронташами, но беспредельно счастливые. И уже на следующий день мечтали о новом походе. И до того мы сдружились с Вовкой, что он стал мне так же дорог, как все мои братья.

Я не случайно пишу только об охоте. Всю вторую половину семидесятого года я только этим и жил. У меня появилось множество новых впечатлений, радостей. У меня появился настоящий друг, разделяющий со мной свои и мои радости. Впервые в жизни я снимал шкуру с белки, убитой Владимиром, в зимовье, при тусклом-тусклом свете, но снял на столько аккуратно, что заслужил похвалу друга. Впервые в жизни видел так много глухарей, их следы на снегу, гонялся за ними, стрелял по ним и конечно же не попадал. Однажды ночью, кстати тогда с нами был Сергей, первый и последний раз, мы спали в зимовье как убитые, ужасно уставшие в пути. Когда же проснулись утром, то увидели свежайшие следы

сохатого, который прошёл рядом с зимовьем во время нашего сна. О, как же это было впечатляюще! Нам и в голову не пришло пойти за зверем по следу, тем более мне, начинающему охотнику. Достаточно было увидеть след лесного бродяги.

И вот в декабре 1970 года, я решил завести дневник. Взял тетрадку, ручку, написал на обложке и на первой страничке крупными буквами «ОХОТНИЧИЙ ЖУРНАЛ» и подписался: Лесной Ястреб. С тех пор у «Чёрного медведя» появился таёжный брат – «Лесной Ястреб». Конечно же этим именем меня никто никогда не называл и не называет и даже сам Чёрный Медведь, но в своём дневничке я ни разу не сообщил своё настоящее имя. По дневнику я – Лесной Ястреб. Свою первую запись в «Охотничьем журнале» я произвёл девятого декабря. Сейчас, восемь лет спустя, я с волнением перелистываю странички дневника и по-прежнему с волнением читаю, сто раз перечитанные строки, написанные корявым почерком. Кто-то другой, вероятно, не сал бы читать мой дневник, так скудно, почти по-детски, без всяких приукрас он написан. Но мне он дорог, однажды он побывал со мной в тайге. Тогда я впервые описывал свой очередной поход с Владимиром. Было это в самом начале 1971 года.

У нас построен грандиозный план. Мы идём в тайгу на целых пять суток, с нами идёт собака по кличке Рэм. Вовка взял на работе не то отгулы, не то отпуск без содержания, а у меня начались каникулы. Времени достаточно, что-ж, вперёд

путешественники. В тайге снегу по уши, мороз стоит трескучий, как-никак январь на дворе. Всё нам нипочём. Вперёд путешественники! Это голос сердца велит нам покинуть тёплый родительский дом хотя бы на пять дней и пять ночей. И вот мы в тайге. Снова упоительная тишина, снова кристально чистый воздух, снова оттягивает плечи рюкзак, а в мыслях мы летаем в облаках. Эх, сейчас бы рябчика подстрелить – думается нам.

Но большая охота, как мы назвали этот поход, у нас не состоялась. Просто пробежали все пять дней по тайге, тем и довольствовались. Однако стоп! Есть смысл описать эту охоту подробнее.

Первую ночь мы провели в среднем зимовье, расположенном в пятнадцати километрах от Усть-Илима. Это была маленькая, старая охотничья избушка, превосходно отапливаемая, вполне пригодная для зимовья. Но, как говорится, в гостях хорошо, а дома лучше, у нас было своё зимовье и ни в коем случае не устраивало это. Утром второго дня мы отправились дальше. До нашего зимовья осталось километров десять. Половину этого пути мы шли по приличной тропинке, видимо часто ходили сюда охотники. В условленном месте мы, как всегда, свернули с тропы и напрямую побрели к ручью. Что это за ручей я долгое время не знал, знал лишь, что идти вдоль него было истинным наказанием. Поваленные деревья, болотные кочки, присыпанные снегом, постоянно попадали под ноги и быстро выматывали силы. Порой я не в

состоянии был перелезть через колодину, встречающуюся на пути, усталость слипала глаза, нагоняла тупое равнодушие и казалось, что не будет конца этому утомительному пути. Такими были последние километры нашего перехода. Но едва впереди показалась избушка, к которой мы так стремились, как тут же усталость исчезла. Наконец-то пришли, какая это радость, преодолеть столь длительный и трудный путь, скинуть со спины рюкзак и, блаженно закрыв глаза, сесть прямо на снег и привалиться спиной к зимовью. Не хочется ни чего говорить, ни о чём думать, но это уже не то равнодушие, которое приходит к тебе в пути, это блаженное чувство от одной единственной мысли – мы пришли. И сидел бы так много часов подряд, но зима берёт своё. Постепенно тело теряет тепло, под одежду пробирается мороз, и ты чувствуешь неприятный холодок.

На этот раз мы пересидели. Мороз прочно забрался под одежду, и ни какими усилиями мы не могли разогреться. Кое-как развели костёр, но холод так далеко забрался в душу, что даже огонь плохо действовал, нужна была тёплая избушка. А где же её найти, ведь наше зимовье без крыши, а время быстро клонит к вечеру. И принялись охотники за работу. Откопали из-под снега дранку, заложили побольше костёр, чтобы оттаять землю, сбросили с крыши, или вернее с того называлось крышей, снег, накрыли зимовье дранкой и сверху присыпали оттаявшей землёй. Однако всё это время так и не смогли отогреться. Вконец отчаявшись, мы решили

утром следующего дня вернуться в среднее зимовье и провести там оставшиеся дни.

Но как часто бывает, отчаяние приходит и уходит, не оставив следа. Ночью случилось самое чудесное, чего мы желали. Мы разогрелись до самых костей. Чёрный Медведь крепко уснул на нарах, а я взялся поддерживать огонь и заодно сделал первую походную запись в дневнике при свете огня, просачивающегося сквозь щели печи. С потолка, с дранок, капал оттаявший снег. Несколько раз капли попадали на листы дневника. Я их тут же аккуратно стирал рукой и продолжал писать.

Утром ни о каком возвращении в среднее зимовье не было и речи. Мы даже не позавтракали, усердно принялись ремонтировать зимовье. Снова оттаивали землю, накидывали её на крышу, обмазывали глиной печку, в общем делали всё, что могли. Когда же мы закончили работу было уже пять часов вечера. Только тут мы вспомнили, что сегодня ещё не ели. Так и прошел остаток третьего дня похода в приготовлении супа и чая, и лишь вечером мы аппетитно позавтракали, а заодно пообедали и поужинали.

Весь четвёртый день мы пробегали в поисках дичи. Как на зло нам не встретились ни рябчики, ни глухари, ни даже пичуги, и лишь работающие дятлы иногда постукивали клювом о стволы деревьев. Было очень даже досадно, как же так, ведь мы пришли на охоту, на большую охоту. А где же дичь? В кого стрелять? И ведь тащить ноги по глубокому снегу невесть

какая радость. Нам часто приходилось останавливаться, отдыхать. В такие минуты мы обычно делились своими впечатлениями, мнениями, разговаривали громко, а однажды Владимир громко чихнул, так громко, как могут немногие, даже эхо прокатилось по тайге. Когда снова воцарилась тишина, мой друг сказал:

– Сейчас тут в радиусе полтора километра нет ни одной птички, кроме дятлов.

– Ага. – подтвердил я.

Но спустя ещё мгновение, буквально в сорока метрах от нас, вдруг шумно захлопали крылья. Это красавец глухарь, увидев нас, взлетел над верхушками деревьев, выбрал направление и, пролетая прямо над нами, стремительно унёсся вдаль. Всё это продолжалось несколько секунд вполне достаточных, чтобы среагировать, но мы стояли ошеломлённые, с разинутыми ртами и не могли пошевелиться. Лишь Рэм как-то неуверенно твякнул и тут же умолк, забыв о глухаре. Он так же, как и мы был слишком неопытен, чтобы что-то сообщить в первую же секунду. Долго мы вспоминали ещё этот случай, долго обсуждали его, долго ещё стоял перед моими глазами большой, красивый, стремительный глухарь, которого я впервые в жизни видел так близко.

Подошла к концу наша «большая» охота. Последнюю ночь я проспал мертвецким сном уставшего человека и проснулся лишь в девять часов утра. На этот раз Вовка был мною недоволен.

– Хоть бы раз поднялся, дров в печку подбросить. – выговаривал он мне. – Всю ночь проспал на готовеньком.

Что я мог сказать ему на это? Я лишь сладко позёвывал, да молчал.

Через час мы отправились в обратный путь, домой. Со свежими силами мы довольно быстро преодолели самый трудный и коварный участок пути. Но не обошлось здесь и без казусов. Чтобы облегчить ходьбу, мы часто выходили на русло ручья и шли по льду. Здесь идти было легче, да и снег был как будто мельче. Мы уже совсем было обрадовались, что так легко нам удалось преодолеть злополучное болото, но в один прекрасный момент я вдруг по пояс провалился в ручей. Холодная вода быстро пробралась до тела, набралась в валенки. Мне было вдвойне обидно от того, что шёл я сзади Владимира. Я недоумевал. Как это так? Вовка со своей комплекцией в полтора раза превышал меня по весу и вдруг не провалился, а подо мной лёд сломался как яичная скорлупа. Мой друг, убедившись, что со мной никакой особой беды не приключилось, стал даже подшучивать надо мной, но. Сделав несколько шагов, неожиданно сам провалился в ручей. К счастью тоже только по пояс. Тайга бурно содрогнулась тогда от хохота неудачников. Мы смеялись друг над другом и каждый над собой, вовсе не думая о том, что могут быть неприятные последствия, а тем временем штаны и валенки с верху покрылись ледяным слоем. Мы поспешили продолжить свой путь, высушиться решили в среднем зимовье.

А выйдя на тропу, со мной произошёл самый приятный для меня случай. Мы шли быстро, уплетая имеющийся у каждого шоколад, чтобы утолить наступающий голод. Как всегда, Владимир шёл впереди, я метрах в десяти сзади. Однажды я приотстал от своего друга и в этот самый момент последний вспугнул рябчика, который сидел на дереве вблизи от тропы. Рябчик, однако не стал улетать слишком далеко, а уселся на сучок как раз надо мной. Моё счастливое сердечко обмерло, не помня себя, весь дрожа от волнения, я снял с плеча ружьё, прицелился в птицу, но стрелять мешала рукавица. Я сбросил её и голой рукой схватился жгучий от мороза металл. Нажимаю на курок, раздаётся щелчок, но выстрела нет. Осечка. Снова взвожу курок и нажимаю. Гремит выстрел, и рябчик камнем валится в снег. Боже мой, сколько радости, я бегу к добыче, достаю её из-под снега и восторженно разглядываю. Мой первый рябчик в жизни, какое счастье! Я показываю его другу, а сам переполняюсь гордостью – мой первый трофей. Усталость, голод, холод, всё отступает от меня. Чрезмерно счастливый я долго несу рябчика в руке, пока, наконец, Владимир не убеждает меня положить трофей в рюкзак. Я уже представляю, как будут радоваться дома моей удаче, мне сразу показалось, что рюкзак потяжелел, хотя и весу-то в рябчике не больше трёхсот грамм вместе с потрохами и пухом.

Когда я снова почувствовал голод, то вспомнил о шоколаде. Удивительно, я никак не мог припомнить, куда он делся.

Я напряг память, но ничего не вспомнил, тогда сунул руку в карман телогрейки. Шоколад лежал в кармане. Вот оно что значит пыл охотничьей страсти, даже не помнишь, что делаешь.

В пути от нас отстал Рэм. Непонятно, или он за кем-то погнался, или просто потерял нас, только сколь не звали мы его, бедный щенок так и не появился.

Домой мы снова пришли глубокой ночью, уставшие, измученные, голодные. Когда я разулся, то увидел, что большой палец правой ноги весь отморожен. К моему неудовольствию подстреленному рябчику никто не обрадовался, бросили птицу в холодильник и даже не стали его общипывать, оставив на потом. Единственный, с кем я мог поделиться своими впечатлениями, был Вовка, Чёрный Медведь, но жил он совсем в другом краю посёлка.

Но что значила моя обида по сравнению с теми приятными воспоминаниями, которые я принёс из тайги. После горячей ванны и сытного ужина я с великим блаженством залез под тёплое одеяло и, пока не уснул, перед глазами всё время проплывала тайга, полная причуд и неожиданностей, такая холодная, суровая, но такая влекущая к себе.

Рэм прибежал домой лишь через несколько дней, исхудалый, уставший. Для него это было первое крещение таёжника, и простим ему то, что он так боязливо жался к нам в тайге, боялся отойти от нас дальше десяти метров, ведь он совсем ещё молодой щенок.

Приятно, когда у тебя есть любимое занятие. В свободные минуты я мог подолгу перебирать свои охотничьи припасы, снасти, чистить ружьё, любоваться им. Когда же у меня появился первый трофей, я гвоздём просверлил в ложе ружья маленькую дырку, что означало начало отсчета моим трофеям. За время каникул я сходил в тайгу ещё раз. Теперь со мной был Санька, десятилетний братишка. Ходили мы недалеко, никого не подстрелили, просто отвёл Лесной Ястреб в очередной раз душу, а, по возвращению из тайги, почистил ружьё и сложил его до лучших времён. Каникулы кончились, снова началась учёба.

В марте месяце женился мой старший брат. Как-то так у него всё вышло непонятно. Познакомился с девчонкой и готово, через неделю подали в ЗАГС заявление. В нашей семье это было особенное событие – старший сын и брат, Валерий, забил первый гвоздь в здание своей семьи, если можно так выразиться. Молодая семья осталась жить в нашем родительском доме.

Мои же дела обстояли следующим образом. Мой сосед, Петухов Олег, занимался фотографией, а у нас с ним были в то время неплохие отношения. Постепенно к фотографии стал пробуждаться интерес и у меня. На некоторое время я попросил у Олега широкоплёночный фотоаппарат «Школьник» и начал в буквальном смысле слова изводить плёнки. В день я снимал иной раз по несколько штук, проявлял их и, если негативы не получались, я начинал снимать новую

плёнку. Это моё лихорадочное новое увлечение восприняли дома с любопытством. С давних времён у нас лежал фотоаппарат «Смена 8» и фотоувеличитель «Ленинград 2», но никто этим не увлекался. И вот всем этим богатством завладел я. В довершение ко всему я выпросил у матери денег для приобретения ещё одного фотоаппарата «Этюд». И посыпались родительские деньги на проявители, закрепители, фотоплёнки и прочее. Немало времени уходило у меня на это увлечение, однако я не забывал и о школе. У меня проявился не только интерес, но и талант к математике. Я решал трудные задачи, которые были не под силу иной раз всему классу. Меня пригласили на школьную олимпиаду, и я пошёл с удовольствием. Пошёл и занял первое место. Затем я победил и на районной олимпиаде и получил путёвку на областную математическую олимпиаду в городе Ангарск. Но дальше дело не пошло. Что там было делать мне, кустарю, только интересующемуся, когда рядом со мной выступали на олимпиаде ученики физико-химико-математических школ. Разумеется, меня необразованного заткнули за пояс, я набрал всего лишь пять очков. Однако интерес к математике у меня не пропал. Частенько дома, помимо уроков, я решал сложные запутанные задачи и, в большинстве случаев, это мне удавалось.

Таким образом с появлением новых увлечений, жизнь моя стала намного интересней. Я приобрёл немало товарищей из числа одноклассников и кроме них, перестал замыкаться в себе, что случалось со мной раньше довольно часто, но по-

прежнему мечтал о тайге, ждал весны и был твёрдо уверен, что охота – моё самое любимое занятие. В апреле месяце, моего таёжного друга и брата, Чёрного Медведя, призвали в армию. Повестка на отправление была уже у него на руках, и даже голова его поблёскивала на солнце лысиной. Было ясно, что два года нам с ним на видеться. Я часто задавал себе вопрос, а с кем же я в тайгу буду ходить? Ведь я ещё так неопытен. Но все вопросы откладывались на потом, надо было сходить в тайгу сейчас, пока Вовка ещё здесь. Что-ж, решено. На майские праздники выпадало три дня отдыха. Не теряя ни минуты, мы упаковываем рюкзаки и в субботу, по окончании занятий в школе, отправляемся в поход. В моих доспехах теперь наблюдалась прибыль. Сбоку на ремне висел фотоаппарат, а на шее, рядом с манком на рябчика, фотоэкспонометр, который подарил мне Олег Петухов.

Тридцатого апреля, как только закончились занятия в школе, я опрометью мчусь домой, быстро переодеваюсь во всё таёжное, обедаю, затем хватаю заранее приготовленный рюкзак, облачаюсь в охотничье снаряжение и, во весь дух, мчусь к Владимиру. У него так же, как и у меня всё приготовлено заранее: рюкзак, ружьё, патронташ. В три часа дня мы покидаем дом моего друга и отправляемся в поход. Впереди двадцать пять километров пути. С нами вместе бежит Рэм. За зиму он заметно подрос, окреп и теперь уже нельзя было сказать, что он щенок. Это был настоящий таёжный пёс, испытывавший тяготы и лишения, выпадающие на долю

каждой охотничьей собаки.

В отличие от всех наших предыдущих походов, времени у нас было на этот раз предостаточно, спешить нам было некуда и поэтому мы решили в этот день дойти лишь до среднего зимовья.

День выдался превосходный. Яркое весеннее солнце ощутимо припекало наши головы. По всему видно было наступление прекрасного времени года – лета. Ещё были видны в низинах островки грязного снега, ещё была покрыта местами толстым слоем спрессованного заледеневшего снега тропа, но лес уже ожил от зимнего сна, расправили свои ветки сосны, ели, пихты, освободившиеся от тяжёлых снежных лап. Весело защebetали птицы, радуясь весне, задорно зажурчали ручьи, наполненные паводковой водой, создавая на нашем пути немало преград. Повелазили из своих нор бурундуки, и наполнилась тайга своим привычным летним хором.

А для меня открывался новый мир. Казалось, что никогда в жизни я не видел такого разноцветья, не замечал такой прелести, такой красоты. Я зачарованно таращил по сторонам глаза и с великим блаженством вдыхал свежий ароматный таёжный воздух.

Меня несколько не тревожил рюкзак, не стесняла мои движения телогрейка, которую нельзя было снять зимой, а ружьё для меня всегда было приятной ношей. В тот день я не шёл – летел вслед за Вовкой. Радость моя была неопиcуема. Если зимой весь путь казался нескончаемо длинным, то сейчас, мы с невероятной быстротой преодолевали расстояния от одного нашего ориентира к другому. Ямы, невесть кем и для чего вырытые, ящики, принесённые кем-то в такую глушь, ручей, мостик через которого – кости сохатого.

На всё это я смотрел уже иными глазами, словно все эти диковинки я видел впервые.

К среднему зимовью мы пришли в восемь часов вечера. В пути нас больше всего волновало, не пришёл ли кто из охотников или туристов сюда раньше, чем это сделали мы, но, к счастью, зимовье было пусто, и мы смело могли располагаться в нём на ночь. До заката солнца было ещё далеко, но терять время мы не стали. Владимир принялся чистить картошку для супа, я же беру фотоаппарат и начинаю снимать.

Очень жаль, что добрая половина моих снимков не сохра-

нилась, по своей неопытности я исцарапал плёнку, и многие фотографии получились ужасно плохо. Мне ничего не оставалось сделать, как выбросить их. Тем не менее, большинство фотографий я публикую в своём дневнике и очень ими доволен. Ведь многие мелочи стираются с годами в человеческой памяти, фотография же сохраняет всё именно так, как было на самом деле, пусть не в такой красе, но смотришь всякий раз с одинаковым волнением.

Пужинали уже после заката солнца. Суп, сваренный неопытными мальчишескими руками, казался нам необычайно вкусным, сытным. Чай испускал такой пьянящий аромат, что им нельзя было надыхаться. Мы долго ужинаем у костра, любуясь природой, и лишь затемно забираемся в зимовье.

В зимовье двое нар, уложенных почти на самом полу. Потолок низкий, под ним бревенчатая балка с торчащими из неё многочисленными гвоздями. На стенах полочки для продуктов, свечей, спичек. Маленькое окошко, затянутое полиэтиленовой плёнкой вместо стекла, на подоконнике горы расплавленного парафина. Маленькая, открывающаяся со страшным скрипом, дверь и небольшая железная печка. Стены и потолок закопчённые, на брёвнах вырезаны имена многочисленных посетителей зимовья, и запах своеобразный, непередаваемый запах зимовья. Всё это можно увидеть и прочувствовать только здесь, в тайге дикой, первозданной.

Мой друг жалуется на горло, не простудился ли. Это нас

беспокоит. Володя натапливает зимовье до такой степени, что в нём становится как в бане. Он раздевается по пояс и садится ближе к печке. Ему надо прогреться, чтобы к утру никакой хвори не чувствовать. При свете двух свечей я фотографирую Владимира. У него на шее висит медвежий зуб, с которым он не расстанется в тайге. Талисман удачи. Он будет передан Лесному Ястребу после похода, для сохранения в течении двух лет службы Чёрного Медведя.

В зимовье душно, жарко. Рэм лежит возле двери, но и тут не прохладнее, он скулит, просится из зимовья. Я выпускаю его, но скоро и сам не выдерживаю жары, выскакиваю

прочь. Меня встречает приятная прохлада и густая темнота, перед которой робеют и самые отважные. Мои зрачки медленно расширяются, и я попадаю в сказочный мир видений. На небе рассыпаны тысячи звёзд. Где-то в далике поёт ночная птица, и куда бы не устремил свой взор, кругом стоит могучая, непреступная лесная стена, составленная из толстых стволов сосен, лиственниц, елей. Зимой в ночное время я с опаской выходил из зимовья, внимательно оглядывался по сторонам и всё время ждал какого-либо подвоха. Сейчас же меня ничуть не страшит темнота ночи, таинственные шорохи. Я стою охваченный лирическим настроением, а губы мои расплылись до ушей в улыбке.

Уснул я в эту ночь лишь под утро, когда у добрых людей наступает самый сладкий сон. Уснул как убитый и почти тут же проснулся. За окном уже было светло, в зимовье стало прохладно, наступило утро. Переборов в себе желание уснуть ещё на пять минут, мы с Владимиром выходим из зимовья, разжигаем костёр, греем чай и завтракаем. Всё это продельвается молча, полу лениво, хочется спать, но надо идти, к тому же утренняя прохлада даёт о себе знать. Она пробилась к нам под одежду, и чувствуется, как по телу бегают мурашки.

После завтрака, мы упаковываем рюкзаки, взваливаем их на спины и, сладко позёвывая и поёживаясь от холода, отправляемся в путь. С самого начала заставляем себя идти быстрее, и вскоре мороз отступает, идти сразу становится

веселей, и языки сами по себе начинают болтать что попало, лишь бы не молчать. Рэм, отдохнувший за ночь, носится по тайге, появляясь то спереди, то слева, то справа, высунет морду из веток, внимательно посмотрит на нас, фыркнет и снова в кусты. Ему тоже весело. А мы идём и идём по узенькой тропинке, извивающейся между деревьями. Сквозь мохнатые слои сосновых веток, редкими лучиками, пробивается к нам утреннее солнце, и снова я мысленно взвиваюсь в облака.

Но вот Чёрный Медведь, как всегда идущий впереди, сворачивает с тропы и идти становится трудней. Ноги путаются в прошлогодней траве, то и дело приходится перелазить через валёжины, но это нисколько не ухудшает нашего настроения. Здесь мы попадаем в великолепный сосновый бор, стройный, могучий, древний. Нет смысла описывать его великолепие, да я и не смогу. Тот, кто побывал в тайге, поймёт меня. Стоит лишь посмотреть на фотографию, да представить птичье пение, и ты попадёшь в ту сказку, которая, как младенца, убаюкивает тебя и, в то же время, жестоко наказывает того, кто не в меру расслабляется и становится слишком самоуверенным.

Вот, наконец, впереди показывается распадок, и, через несколько минут, мы спускаемся в болото. Идти по нему по-прежнему тяжело, и мы, не тратя силы, идём медленным шагом. Мы перепрыгиваем с кочки на кочку, перелезаем через сухие валёжины, огибаем лужи, продираемся через густой мелкий ельник. И вот, в одном из таких ельников, нам улыбнулось счастье. Мы вспугнули двух рябчиков. Один из них быстро перелетел почти весь распадок и скрылся в зарослях ельника. Другой взгромоздился тут же на ветку, но как я ни тарасил глаза, увидеть его не мог. Однако мой друг оказался зорче меня. Он вскидывает ружьё и выцеливает добычу. Я замираю, затыкаю уши. Гремит выстрел, и рябчик валится в

траву. Удачливый охотник с достоинством поднимает птицу и протягивает мне.

– В суп сразу по приходу к зимовью. – констатирует он.

Я доволен уже тем, что мне оказано такое доверие – варить суп из рябчика. Впервые в жизни! Суп из рябчика!

Наконец мы приходим к зимовью, нашей долгожданной цели. Здесь мне всё знакомо и лишь выглядит иначе, по-весеннему. Вот голова идола, вырезанная Вовкиными друзьями на пне, рядом с зимовьем, вот лежат деревянные лопаты, топор для резания дранки, пила. Всё знакомо мне, но на всё я смотрю по-новому потому что на дворе весна. Я ложу подстреленного рябчика на голову идола и фотографирую.

В моём первом дневнике будет написано, что добычу мы принесли в жертву нашему идолу, однако конечно же это не так. Мы с величайшим аппетитом съели рябчика сами. Эх, и вкусный был рябчик! После обеда мы немного отдохнули и отправились на охоту вдоль ручья. Довольно долго нам не встречались на пути ни рябчики, ни какая-либо другая дичь. День по-прежнему стоял чудесный солнечный, весело щебетали птицы, то здесь, то там попискивали бурундуки, делали свою повседневную работу дятлы, и, под влиянием всего этого, мы стали расслабляться, притупилось наше внимание. Мы громко переговаривались, шли шумно, и, когда впереди взлетел глухарь, конечно же, ничего не могли сделать, лишь оторопело смотрели ему вслед до тех пор, пока он не скрылся из виду. Мы подошли к тому месту, откуда взлетела птица. Среди травы виднелся маленький островок земли, перемешанной с мелкими камешками, и на этом островке, глухарина лёжка – маленькая ямка, разрытая птицей, и в ней несколько перьев. Здесь таёжный индюк любит погреться на солнышке, да поклёвывать мелкие камешки. И тут моего друга осенила мысль:

– Завтра с утра сделаем здесь засаду. – сказал он. – Скорей всего, глухарь прилетит сюда ещё раз.

Эта идея мне пришлась по душе. Неплохо конечно лежать на траве и ждать, когда дичь сама прилетит под выстрел.

– Ну что-ж, решено. – произнёс Владимир. – Ты делаешь засаду здесь, а для моей, мы должны найти ещё одно такое

место.

С этой целью мы и отправились дальше.

Довольно скоро нам удалось найти ещё один такой же островок с глухаринной лёжкой и, довольные результатом, возвращаемся в зимовье, пора готовиться на ночлег. Времени было ещё достаточно, но нам предстояло соорудить какой-нибудь шалаш, спать в зимовье было невозможно, на полу лежал толстый слой льда. Причиной тому была дырявая крыша. Весеннее солнце растопило снег на зимовье, и он весь просочился внутрь избушки, где и был прихвачен ночными морозами. Поэтому сейчас в зимовье был настоящий холодильник, где вполне можно было хранить скоропортящиеся продукты.

Соорудив шалаш, а вернее всего нары и с двух сторон за-слон от ветра, мы поужинали и отошли ко сну. Весенние ночи были ещё слишком холодные, нам постоянно приходилось поддерживать огонь, отчего, почти всю ночь, мы не спали. Один лишь непоседа Рэм чувствовал себя в эту ночь превосходно. Его густая шерсть надёжно защищала от холода и никакого костра ему не требовалось. Пёс выспался довольно быстро, а затем, ещё задолго до восхода солнца, принялся бесстрашно шариться по тайге, кого-то искал, фыркал, убегал всё дальше и дальше от костра и однажды видимо потревожил какого-то спящего зверька, или же сову. Он так громко заливисто залаял, что мы с Владимиром хотели уже было броситься к собаке на помощь, а вдруг там медведь или же

сохатый. Однако так не хотелось удалиться от тёплого костра, и мы, успокоившись, снова погрузиться в полудрёму. А звонкий лай Рэма далеко разносился по морозному утреннему воздуху.

Рассвело. Стрелка часов указывала на пять утра. Мы нехотя поднялись, разложили потухший костёр, вскипятили чай, позавтракали и, к шести часам, были готовы отправиться в путь. Утро стояло морозное, на небе не единого облачка, по верхушкам деревьев уже бегали солнечные блики. Почти над самым зимовьем пролетел глухарь, издавая своё глухариное кряканье. «Может быть на такую же лёжку, как наши полетел» – подумал я. Мне показалось, что день сегодня должен быть интересным. Только бы скорей согреться, холод становится невыносимым, он пронизывал до самых костей, и как же не хотелось отходить от костра. Но мой друг был сегодня решителен. Он накинул на плечи полупустой рюкзак, взял ружьё и первым отошёл от костра. Я нехотя последовал за ним.

Добравшись до моей лёжки, мы с Владимиром расстались. Он пошёл дальше, а я, выбрав место для засады, принялся за маскировку. Однако это только называлось маскировкой, я прикрылся двумя-тремя ветками, разложил перед собой несколько патронов с разномастными зарядами и устремил свой взор туда, где по нашим расчётам должен будет приземлиться глухарь. И действительно, минут через десять до меня долетело приближающееся глухариное кряканье. Я на-

сторожился. Перед моей засадой глухарь вдруг оборвал свой крик.

«Садиться!» – подумал я, и сердце моё радостно застучало. – «Только бы не промахнуться.»

Но глухарь или не собирался, или увидел меня, горе-охотника, только прошуршал он своими сильными крыльями надо мной и был таков. Я горестно вздохнул, покручинился с минуту, но всё ещё надеялся на свою удачу, снова устремил свой взор на маленький островок земли, выделяющийся среди травы.

Вскоре у меня начали мёрзнуть ноги.

«Этого только не хватало!» – подумал я. Мне так не хотелось покидать такое замечательное место. Я был почти уверен в своей удаче и, чтобы не думать о холоде, я попытался отвлечься. «Ведь говорил же себе, не ешь масло по утрам, ноги будут мёрзнуть.» – подшучивал я над собой.

И решил молодой охотник, что чтобы не думать о холоде надо напрячь слух, прислушаться к тайге, попытаться понять лесную музыку. Но не знал молодой охотник, что у него слишком много врагов в мире этом. И неожиданно, незаметно к нему подобрался ещё один такой враг – пожалуй самый коварный – страх. Напрягая слух, я уловил множество самых разных шумов и звуков, а за всем этим таилась жуткая, пугающая тишина. Вот шишка с ветки оборвалась и упала, и тишина. Вот птичка прошуршала крыльями, и снова тишина. Все эти, казалось безобидные звуки, рождали в моём во-

ображении страшную картину. У страха глаза и уши велики – говорится в народной пословице. Где-то вдалеке заскрипело дерево, мне же показалось, что это рёв медведя. Скрип дерева повторился и, как мне показалось, ближе, затем ещё и ещё. Я уже был уверен, что это медведь, и идёт он не ко мне, а к Владимиру.

Я сел, зарядил ружьё пульей, теперь уже равнодушно посмотрел на глухариную лёжку и хотел уже было встать и уйти с этого проклятого места. Теперь уже у меня замёрзли руки. Но, неожиданно прилетела небольшая стайка маленьких пичуг. Порхая с ветки на ветку, они приблизились ко мне совсем близко, но не испугались меня, наоборот, с любопытством стали кружить вокруг меня, удивлённо поглядывая на неизвестного пришельца. Птички звонко чирикали, словно спрашивали меня: «Кто ты? Что ты тут делаешь, и зачем пришёл сюда?» Я не мог оторваться от весёлых, пушистых и любопытных пичуг. Я забыл о страхе, о холоде, обо всём на свете. Мои губы невольно расплылись в умильной улыбке.

«Эх, фотоаппарат у шалаша остался.» – вздохнул я.

А пичуги покружились надо мной, почирикали и всей стайкой полетели дальше вдоль распадка.

И снова я остался один, снова слышались таинственные шорохи, снова этот предательский скрип дерева. Не в силах больше оставаться на этом проклятом месте, я встал и пошёл к Вовке. Думал я, что струсил, убежал с позором из своей засады. Сейчас я не представлял себе, как люди сидят часами

в ожидании начала глухариного тока, ведь им тоже холодно и ждать они начинают до восхода солнца.

Я шёл, погруженный в горестные думы. Неожиданно до меня долетели отзвуки недалёкого выстрела, и как раз со стороны Вовкиной засады.

– Вот и Вовкин глухарь. – вздохнул я. – Всё-таки он дождался своего, не струсил, как я.

В том же месте раздался второй выстрел. Тут я подумал, что Владимир либо добивает первого глухаря, либо подстреливает второго. Я остановился в раздумье. Что же делать, вернуться, или идти вперёд? А вдруг и мне посчастливится, всё ведь случается. Но снова страх овладевает мной, и я снова иду вперёд, к Вовке. Теперь уже я ни о чём не думал, скорей бы найти Вовку. Но вот гремит третий выстрел, теперь уже он слышится более приглушенно, дальше.

– Медведь! – невольно вспоминаю я. – Конечно же Вовка погнался за медведем, к тому же Рэм лаял перед выстрелами, как же я сразу не догадался.

Я ускорил было шаг, но четвёртый выстрел, прозвучавший ещё дальше, остановил меня.

– Если Вовка будет бежать такими темпами, – размышлял я. – то мне его никогда не догнать. Здоровьем он не обижен и ноги у него длиннее моих. А что же делать? Вернуться назад?

Охваченный тревожными мыслями, я растеряно стоял на косогоре. Что делать? Этот вопрос настойчиво сверлил мне мозг. Наконец донесло до меня слабые отзвуки пятого вы-

стрела.

– Ого, он что на вертолёте летит? – недоумеваю я, но тут же вспоминаю, ведь у него всего лишь пять пуль, а что если он в самом деле стреляет в медведя? Тогда значит у него осталась одна дробь. Как же быть? А вдруг он и на этот раз не добил зверя? Чем же он будет тогда стрелять?

И надо бы бежать на помощь другу, попавшему может быть в беду, и где теперь его найти, как догнать?

Когда же я услышал шестой выстрел, то как подстёгнутый бросился бежать в погоню. Чтобы скорее найти друга я решил кричать. Набираю полные лёгкие воздуха и во всю глотку ору:

– Во-о-о-вка-а-а!

– Чего тебе? – совсем рядом слышится голос Владимира.

Моим драматическим мыслям пришёл конец, я, словно с головы до ног облитый холодной водой, стою как вкопанный, не в силах произнести ни слова. Как же так? Я мчусь к другу на помощь, а он в ней и не нуждается. Наконец, справившись с собой, я подхожу к ручью. Вовка идёт по противоположному берегу мне навстречу.

– Ты стрелял? – спрашиваю.

– Я.

– В кого?

– В дичь, естественно!

Я вкратце рассказал другу, что со мной случилось. Выслушав меня, Владимир сказал, что он тоже замёрз, поэтому

оставил свою засаду и пошёл прогуляться по распадку. Тут-то он и подстрелил двух рябчиков, а остальные выстрелы ему вовсе не принадлежали. Затем он бросил к моим ногам рябчиков и сказал:

– Если ты не хочешь прогуляться со мной, то возвращайся в зимовье и готовь птиц к супу, обоих. Понял?

Как тут не понять. Я взял рябчиков и, глубоко обиженный, направился к зимовью. Собственно, я не понимал причины своей обиды. Всё кончилось благополучно, никакого медведя не было, свою засаду Владимир оставил из-за холода и небезрезультатно. Нам уготован превосходный суп, так в чём же дело? Я был зол на себя, от того и сердился на всех сразу. По пути я едва не потерял дорогу к зимовью, покружился, повертелся и, наконец поняв, что тут заблудиться трудно, уверенно пошёл вперёд.

Когда я подошёл к знакомому пригорку, на котором располагалось зимовье, настроение моё снова сменилось на прекрасное. Я быстро забрался на пригорок, достал фотоаппарат, установил его на голову идола, настроил на автоспуск и сделал этот снимок – Лесной Ястреб с добычей Чёрного Медведя.

Пока я ощипывал рябчиков, мог следить за передвижением Владимира. Он часто стрел и, судя по выстрелам, сделал огромный круг, подойдя к зимовью с западной стороны. Здесь он стрельнул ещё раз, в глухаря, сидящего на огромной лиственнице. Дробь, попадая в ветки и деревья, звонко

щёлкала, и я невольно проследил за траекторией её полёта.

Глухарь, по-видимому подраненный, несколько мгновение продолжал сидеть на ветке, но потом взлетел и, с громким криканьем, перелетел чуть подальше. Видя такое дело, я бросаю свою работу и мчусь с ружьём к птице. Но мой друг опередил меня. Он раньше добежал до глухаря и вспугнул его. Тот снялся с ветки и, лавируя между стволами деревьев, помчался прочь. В сосновом бору видно по крайней мере метров на сто пятьдесят, и я долго наблюдал за глухариним полётом, удивляясь его ловкости.

Владимир был восторжен. Он рассказывал, что видел великое множество глухарей, часто стрелял им влёт, но как ни

жаль, всё мимо.

– Пойдём, ещё пройдемся. – тянул он меня.

И пришлось мне прервать разделку рябчиков и отправиться вслед за Вовкой. Но видимо такой уж я невезучий, как на грех все глухари куда-то пропали, ни один не появился на нашем пути. От скуки мы начали шуметь. Чёрный Медведь подстрелил зачем-то бурундука. Я отодрал у зверька хвост, а самого отдал Рэму. Затем мы начали палить по моей фуражке. Один стоял наготове с ружьём, а другой бросал фуражку вверх. После моего третьего выстрела, попавшего в цель, изрядный кусок козырька был напрочь вырван. Мы вдоволь насмеялись, когда я надел на голову обезображенную фуражку. Для большей забавы я приткнул к фуражке бурундучий хвост, а когда мы вернулись в зимовье, натыкал туда же перьев от рябчика.

За приготовление обеда взялись дружно. Я выпотрошил рябчиков и поставил их вариться, Чёрный Медведь взялся чистить картошку. Работа спорилась, между делом проска-

кивали шутки, смех, мы делились впечатлениями от сегодняшнего дня. Время перевалило за полдень и нам надо было возвращаться домой. Но прежде всего – аппетитный суп. Рябчиков мы сварили целиком и вообще суп у нас получился изумительный. Мы с большим аппетитом уминали содержимое котелка. А какими были рябчики! Нет, это вам не те дятлы, которых мы с Чёрным Медведем варили и ели зимой, нахваливая мясо. Тогда нам просто дичи захотелось отведать, но её не было, и мы решили сварить суп из дятлов. Разве можно сравнивать тот суп с этим? Мы с аппетитом обглаживали каждую косточку, а затем бросали её Рэму, который громко хрустел, съедая без остатка любую кость.

После обеда мы принялись фотографироваться. Эти дорогие для меня снимки всю жизнь будут напоминать мне о тех прекрасных днях, которые мы с Вовкой провели в тайге, интересно или не интересно, удачно или не удачно – неважно. Для кого-то не интересно и не удачно. Для нас эти дня были одними из самых счастливых.

Напоследок я снова устанавливаю фотоаппарат на голову идола, настраиваю на автоспуск, и мы с Владимиром теперь уже вдвоём фотографируемся у крыльца нашего зимовья. Обрати внимание, читатель, у меня нет за спиной рюкзака. Так я и отправлюсь домой и, лишь преодолев километра два-три, вспоминаю забытое ноше. Тогда мне пришлось возвращаться назад почти бегом весь путь к зимовью и обратно. Больше получаса мы потеряли тогда времени и всё из-

за моей оплошности. Вот тебе и чудо в перьях.

Вот и закончилась наша охота. Домой пришли как всегда в полночь, а через несколько дней, мой друг и таёжный брат Чёрный Медведь, отправится служить в Советскую Армию. Я же погрузился в школьные заботы. Через месяц мне предстояло выдержать выпускные экзамены за десятый класс. Я, как и все выпускники, с волнением и тревогой ожидал этого времени. В конце мая мои родители уехали не то на курорт, не то в гости. Сергей уехал в Иркутск поступать в му-

зыкальное училище, а дома остались Валерий с женой, бабушка, Санька и я. Во время экзаменов мне были предоставлены все условия для занятий, и я действительно занимался на совесть, понимая всю ответственность, стоящую передо мной. К одной лишь математике мне не надо было готовиться, я был уверен в своих силах и сдал экзамен на отлично. В остальных предметах, и даже в литературе, я был слаб.

Однако постепенно, экзамен за экзаменом, плохо ли, хорошо ли, сдал я выпускные экзамены и получил довольно неплохой аттестат. Мои родители, вернувшиеся из поездки, были довольны мной.

На выпускном вечере было шумно и весело, но я, не любивший шумных и много модных компаний, ушёл с вечера раньше, чем это следовало бы сделать. Я не умел общаться с людьми даже своего возраста и, стыдясь этого, держался от общества подальше. И ни чего я с собой не мог сделать, так уже была устроена моя натура. Я часто завидовал тем, у кого были развязаны языки, кто легко мог заговорить с любой девчонкой, быстро находить тему для разговора. Я же был в большей степени угрюм и молчалив. Эти качества хороши в тайге, но в обществе я не находил себе места. От того видимо и не было у меня девчонки, нравилась одна, да и та прямая противоположность мне. Большую роль здесь играл мой маленький рост мальчишеское сложение. По сравнению с моими одноклассниками я выглядел пацаном, поэтому конечно же девчонки предпочитали более высоких и широкоплечих,

нежели меня. Порой я самому себе казался жалким ничтожеством, не пригодным для того, чтобы меня мог кто-либо заметить. Потому и находился я всегда в стороне.

В середине июля я поехал в Иркутск, поступать в институт. Моя мечта – стать лётчиком, может быть и чересчур наивная, разлетелась в пух и прах на медицинской комиссии. Меня признали дальтоником. И закрылись передо мной пути в авиацию, только может быть это и к лучшему, как знать. Тогда по наставлению матери, присутствовавшей здесь же, я решил поступить куда угодно, лишь бы поступить. После раскола моей мечты я был равнодушен к учёбе в институте, воспринимал её просто как необходимое в жизни и поэтому ничуть не боялся вступительных экзаменов, напротив, даже был уверен, что поступлю. Подал заявление на специальность строительные и дорожные машины и оборудование, и через месяц, после успешной сдачи экзаменов, стал студентом иркутского политехнического института. Мои родители, узнав об этом, переполнились величайшей гордостью за своего сына, ещё бы, исполнилась их заветная мечта – их сын поступил в институт. Они ежемесячно аккуратно высылали мне и Сергею, который учился в музыкально-педагогическом училище, по пятьдесят рублей каждому, исполняя свой родительский долг: дать детям образование. Всю жизнь, про горбатясь на тяжёлой работе, они настойчиво внушали нам, что главное в жизни – диплом. Сколько раз мы получали нагоняй, а иногда и крепкого отцовского ремня, за плохую

учёбу, сколько было из-за этого дома скандалов. Старший брат не пошёл дальше десяти классов, второй не закончил и этого – бросил школу и вот, наконец третий – я, стал студентом. В мечтах родители видели уже меня с дипломом в кармане, в достатке, солидным, представительным, без единого мозоля на руке.

Но не оправдал я их надежд. Может быть ветер загулял, а может быть правильно сделал, только бросил я институт, решил пойти поработать. Как же обозлился на меня тогда отец, до сих пор не может простить мне этого. Какой был дома скандал по поводу моего приезда! Старик рвал и метал, он не называл даже меня по имени и как-то, в пылу горячности, заявил:

– Немедленно устраивайся на работу и верни мне всё, что я тебе выслал на учёбу, всё до копейки!

Эти слова глубоко врезались мне в мою память. Я решил всю получку до копейки отдавать ему сразу же, без промедления. Уже через неделю после приезда домой, я устроился на работу в Усть-Илимский леспромхоз плотником-опалубщиком. Так с девятнадцатого апреля 1972-го года, началась моя трудовая деятельность. Дома я снова замкнулся в себе, старался меньше показываться родителям на глаза, больше молчал. На работе изо всей силы старался не отставать от опытных плотников. Больше всего я боялся, что в бригаде будут мной недовольны. А ведь отец с матерью работают здесь же, в леспромхозе, а значит им сразу всё станет из-

вестно. А мне так хотелось доказать родителям, что я не последний человек, что могу работать, хоть и выгляжу не внушительно. За неделю я набил на руках десятков мозолей, но продолжал работать, не сбавляя темпа, преодолевая боль и усталость, нервничал, когда что-то не получалось, но делал настойчиво, упрямо, прилагая все усилия.

Этой же весной из Иркутска приехал Сергей, его брали в армию, а значит учёба в училище откладывалась. Но Сергей просто-напросто забрал из училища документы и после армии будет вновь пытаться поступить в училище искусств, куда безуспешно поступал три раза.

Новый взрыв негодования обрушился на нас от отца, снова скандал, снова в доме стало беспокойно. Подливал масло в огонь Валерий, у которого не получалась мирная жизнь с женой. В марте месяце у них родилась дочь Леночка, а между собой они постоянно ссорились, не было у них ни любви, ни согласия, это вконец расстраивало бедных стариков. Нормальные взаимоотношения в семье рушились с каждым днём. Чтобы не видеть всего этого, я старался уйти куда-нибудь или же закрыться в своей комнате, чтобы остаться одному, помечтать о чём-нибудь светлом, хорошем, наконец, чтобы меньше показываться на глаза родителям. Редко встречался со своими одноклассниками, чаще, возвратившись домой с работы уставший, забирался к себе в комнатку и либо перелистывал странички своего дневника, либо читал книжки. Постепенно на работе дела мои стали улучшаться. Я стал

меньше уставать, правая рука привыкла весь день стучать молотком. Я не отставал даже от самых опытных и сноровистых плотников, и бригада мной была довольна. После проводов Сергея в армию, домашние страсти постепенно улеглись, родители успокоились, и в доме снова воцарилось бы благополучие, если бы у Валерия с женой всё шло хорошо. Они по-прежнему не мирились между собой, и сам чёрт мог их разобрать. Валерий страстно увлёкся рыбалкой, приобрёл себе лодку, подвесной мотор и, едва не каждый выходной, с пятницы, уезжал по Ангаре за рыбой. Иногда с ним уезжал я, однако рыбалка на хариуса была для меня сплошной загадкой. У меня ничего не получалось, и я сходил на берег, выбирал себе удилище и, на обыкновенного червяка, ловил сорогу, ельца, ерша, пескаря и получал огромное удовольствие от этого занятия.

Увлечение фотографией у меня не прошло, я часто брал с собой на рыбалку фотоаппарат. Однажды Сергею подарили «Зенит-В» – зеркальный фотоаппарат с довольно неплохим объективом. Мой брат, однако, фотографией не увлекался, к тому же сейчас он служит в армии, поэтому фотоаппарат временно принадлежал мне. Я сделал не мало снимков, фотографировал семью, больше всего фотографий осталось от маленькой племянницы, а когда я брал фотоаппарат с собой на рыбалку, то чаще снимал всевозможных насекомых, природу. Новый вид охоты меня порой захватывал, когда я по часу выстаивал в ожидании какого-либо момен-

та. То дятел усядется рядом, то трясогузка приблизится, то начинаю осторожно подкрадываться к бабочке или кузнечику. Не всегда у меня получалось сделать тот или иной снимок, но всегда это занятие доставляло мне удовольствие. Я мечтал приобрести фоторужьё, но когда исполнится эта моя мечта одному чёрту известно – в наше то время попробуй достань такую вещь, не имея великого блата, к тому же где взять столько денег. Но я не отчаивался, как говорится, вся жизнь впереди.

Снимки, которые я здесь публикую, сделаны в разное время. Одни на рыбалке, другие в тайге. Я не на шутку увлёкся фотоохотой, правда в объектив крупнее дятла зверь не попадал.

Фотоаппарат стал моим постоянным спутником, этому интересному занятию уделялось немало времени и средств.

Однако по-прежнему меня тянуло как магнитом в тайгу, побегать с ружьишком. Вот уже больше года прошло с тех пор, как Вовка ушёл служить и мне не с кем было ходить на охоту. Один же идти я побаивался. Поэтому по-настоящему, с рюкзаком за спиной и с ружьём на плече, я не ходил вот уже год. Я звал с собой Валерия, звал одноклассников, но никто не был так привязан к тайге как я. И вот, наконец, уговорил я Валерия пойти со мной в тайгу. Совсем недавно он от лес-промхоза ездил тушить пожар и нашёл там тропу, ведущую к Невонке. Недалеко от места пожара, на маленьком ручейке, стояло зимовье, вот туда мы и решили сходить. Мой брат охоте предпочитает рыбалку, поэтому, наряду с ружьём, у нас имелись удочки и небольшая сетка – корчажка.

Из дома вышли рано утром девятнадцатого августа и на месте были уже за полдень. В дороге изрядно устали, кожанка, привязанная к рюкзаку, поминутно цеплялась за ветки и колодины, выматывала все силы. Подходя к зимовью, вспугнули рябчика, но моя погоня оказалась безуспешной. Когда же пришли на Невонку, усталость сразу исчезла. Мы пообедили, приготовили удочки и, продвигаясь вдоль реки, закидывали снасти то здесь, то там. Однако рыба не клевала.

– А может быть её и нет здесь? – думал я, но Валерий был уверен в удаче. Он настойчиво забрасывал в воду леску с крючком, переходил с места на место и всё утешал меня.

– Ничего, на уху всё равно поймаем.

Его настойчивости можно было позавидовать.

Мы потратили не мало времени на это бесполезное занятие, рыба никак не хотела брать нашу наживку. Тогда мы пустились в ход свою корчажку – выбрали удобное место, бросили сетку в воду, а сами, разморённые жарким летним днём, улеглись у костра прямо на траву и незаметно задремали. Рядом с нами журчала Невонка, перекачивая свои родниковые воды, пели птицы, постукивали клювами о деревья дятлы. Я лежал и слушал музыку тайги. В голову лезли всякие мысли, воспоминания и вовсе не хотелось спать. Наверно то же самое творилось и с моим братом. Он вздохнул, переворачиваясь с боку на бок и, наконец, встал, не в силах больше лежать, однако тут же припал к земле.

– Утки! – надрывным шёпотом произнёс он. – Где ружьё?

В ту же секунду, прямо напротив нас, из воды поднялась парочка уток и, устремившись вдоль русла речки, умчалась прочь.

– Пойдём за ними. – предложил Валерий.

Я беспрекословно следую за ним, теперь уже все мысли устремлены к охоте. Мы осторожно продвигаемся вдоль берега, внимательно всматриваясь вдаль. Невонка в этом месте делает огромную петлю, и мы фактически возвращаемся к тому же месту, откуда пришли. И тут мы обнаруживаем уток. Они. Не подозревая никакой опасности, плавают в заводи. Валерий по лесу подходит к ним поближе, выцеливает одну из них и, метким выстрелом, поражает цель. Вторая утка с громким кряканьем взлетает и уносится прочь. Я бе-

ру у брата ружьё и иду вслед за ней. Иду долго, несколько раз вспугиваю птицу, но добыть её мне так и не удаётся. Я возвращаюсь к костру с пустыми руками, огорчённый.

Мой брат уже достал из воды свою добычу и поджидает меня.

– Давай суп варить. – говорит он.

И вот уже над костром висит котелок, и, в весело булькающей воде, варится утка. Пьянящий аромат утиного супа разносится по тайге, и мы, глотая слюну, ждём, когда же он наконец сварится. В нас горит волчий аппетит.

После сытного ужина мы проверяем корчажку. Она пуста. Огорчённые неудачей мы готовимся на ночлег. Я принимаюсь за мытьё посуды, Валерий рубит ветки для таёжной перины. Увлечённый работой, я насвистываю песенку и, то прыгаю с крутого бережка на кочку к воде, то возвращаюсь к костру. Превосходное настроение прибавляет мне бодрости, энергии, я проделываю работу почти бегом и вот, когда мне осталось вымыть последнюю кружку, в очередной раз прыгаю на ту же кочку. Неожиданно мои ноги соскальзывают с кочки, и я, всем телом, падаю в воду. Крупные брызги разлетаются в стороны. Холодная родниковая вода перехватывает дыхание. Я нащупываю ногами дно, отталкиваюсь и карабкаюсь по крутому бережку.

– Ты чего? – спрашивает Валерий, не понимая, что случилось, но, когда видит, как я неуклюже, на четвереньках, выбираюсь на сушу, заливается неудержимым смехом.

Я растерянно поднимаюсь на ноги, не зная, что делать, то ли обижаться, то ли нет. С моей одежды стекает холодная вода, в руке держу кружку, оборачиваюсь на злополучную кочку и громко, заливисто хохочу. Насмеявшись до слёз, отжимаем мою одежду, наскоро сушим её и устраиваемся подле костра на густые, пахучие ветки.

Размороженные дневными похождениями, мы скоро уснули, но проспали недолго. Часа в три ночи начался дождь. Всё небо заволкло тучами, и дождю не было ни конца, ни края. Костёр потух, стало холодно, и, кое как дотянув до утра, мы собрали вещи и отправились в обратный путь. Чтобы сократить расстояние, мы отправились по визирке. Дело в том, что совсем недавно я сделал для себя открытие на карте и обнаружил раздел всего леса на кварталы, каждый из которых равен двум километрам с запада на восток и четырём километрам с севера на юг. Границы этих кварталов, визирки, довольно хорошо видны в лесу. Как я узнал позже, это изыскатели разбивают лес на кварталы, что составляет часть их работы. Многим конечно же это известно, но для меня это новость. Так вот по визирке мы пошли прямо на восток к дому, шли быстро, на ходу собирая грибы. Но вот визир стал исчезать, мы с трудом находили затёски на деревьях и, наконец, потеряли их совсем. К этому времени дождь кончился, небо расчистилось от облаков, и полуденное солнце серебрило росу на траве и листьях и припекало нам головы. Тогда, оставляя солнце позади себя, мы двинулись на север,

пересекли распадок, ручей, называемый Верхней речкой, и вышли на тропу. Не задерживаясь больше ни на минуту, мы отправились домой. По тропе идти было легко, воздух после дождя был особенно свеж и чист. Дождь, продолжавшийся половину ночи и полдня, вымочил нашу одежду до нитки, в сапогах неприятно хлюпала вода, и когда мы пришли домой, то прямо с порога начали скидывать с себя всё мокрое и, с великим блаженством, натянули сухую, чистую, мягкую, тёплую одежду.

И наступила неделя томительного ожидания следующей субботы. Побывав один раз в тайге, я уже не мог усидеть дома, хотелось снова в тайгу, в мир новых приключений. Каждый день уходил утром на работу, старался занять каждую минуту чем угодно, лишь бы быстрее шло время. Вечером, придя домой, доставал свой заветный чемодан, чистил ружьё, заряжал патроны, готовился к новому походу, и уже к пятнице у меня всё было готово.

Идти нам предстояло за ягодой – сезон есть сезон. Валерий, мать, отец и я примкнули к огромной компании ягодников, и в пятницу вечером на машинах отправились в тайгу. Кроме ружья со мной снова был фотоаппарат и фотоэкспонометр.

Погода на этот раз была не важная, шёл мелкий нудный дождь. Однако это нас не остановило, прежде чем расположиться на первую ночёвку, мы пошли искать грибы. Шумной толпой, с криками и смехом, шли мы по тайге то спускаясь

в распадок, то поднимаясь в сосновый бор. Грибов было мало, наши кошёвки наполнялись медленно и надо бы возвращаться к стану, но вот беда, мы потеряли ориентир. Я был в этой тайге впервые, к тому же ещё слишком плохо ориентировался, вся надежда была на Валерку. Он долго собирался с мыслями, выбирал нужное направление и, наконец, уверенно пошёл вперёд. На этот раз всё обошлось благополучно. Уже в сумерках мы добрались до стана, попили чай и, кто где мог, устроились на ночлег.

Утром, лишь только солнце осветило верхушки деревьев, освободившись за ночь от туч, мы всей гурьбой, полусонные, лениво переговариваясь, отправились к ягодному месту. Для меня здесь всё было ново – незнакомая тайга, какие-то просеки, лесные дороги. Мы шли долго, часто выходили на перекрёстки дорог, сворачивали то вправо, то влево, и я никак не мог запомнить дорогу, чтобы пройти по ней самостоятельно. Наша компания распалась, самые быстрые ушли вперёд, женщины и старики, разогнав ходьбой сон, шумно переговаривались и смеялись. И вот, наконец, ягодники остановились.

– Пришли. – слышались возгласы, толпа загомонила, зашумела, зазвенели котелки, вёдра, совки, начали доставать из рюкзаков продукты. Женщины накрывали лесной стол и когда всё было готово, по кругу, образовавшемуся вокруг «стола», пошли кружки с водкой. Мужики пили не задерживаясь, громко крякали, закусывали варёным яйцом или

огурцами, иные занюхивали хлебом. Бабы долго не могли решиться опорожнить свою кружку, а выпив, морщились, крутили в стороны головами, махали перед ртом руками и, наконец, хватали что-нибудь съестное и совали в рот, успокоившись. Когда водка была выпита, за «столом» завязались жаркие споры. Люди громко чавкали, разговаривали о том, о сём, и долго никто не мог оторваться от лесной компании.

Наконец, остатки продуктов полетели в рюкзаки, скатерть, расстеленная на траве, убрана, и ягодники, разбившись на компании в три-четыре человека, стали разбредаться по лесу в поисках ягод.

Мы с Валерием прихватили с собой турсук, ружьё и отправились искать бруснику. Нам хотелось поскорей покинуть шумную толпу ягодников, хотелось остаться наедине с тайгой, и мы уходили от звона котелков всё дальше и дальше. Скоро наш путь пересекла какая-то старая лесная дорога, заросшая травой. Заваленная подгнившими деревьями.

– Куда она идёт? – спрашиваю я у брата.

– Не знаю, я её впервые вижу. – ответил тот.

Тем не менее мы смело идём по дороге. Я спокоен – не заблудимся, ведь Валерий здесь работает, он должен знать здешнюю тайгу как свои пять пальцев, да и заблудиться здесь трудно, ведь это участок леспромхоза. Здесь ведётся заготовка леса.

– Скоро пойдут наши деляны. – говорит мой брат. Он работает раскряжёвщиком в бригаде заготовителей.

Я как-то не призадумывался над тем, как безжалостно вырубается тайга. «Тайги хватит. – думал я. – Вон её сколько, поди, выруби всю. Вырубят здесь, уйду в другие края». Меня радовало то, что тропа к нашему зимовью идёт по такой прекрасной, такой могучей и стройной тайге. Меня и не тревожила мысль о том, может ли туда добраться человек с пилой и топором.

Между тем, дорога вводила нас всё дальше и дальше в неизвестный мне мир. Валерий шёл впереди, он был за проводника. Вдруг, что-то остановило брата, он пригнулся к земле, взял у меня ружьё, прицелился и выстрелил. В ту же секунду из травы вылетел целый выводок рябчиков, и птицы расселись вокруг нас на деревьях.

«Как он его увидел? – удивился я. – Обычно птица первой замечает человека». Это говорила во мне неопытность, скоро мне предстоит убедиться в обратном, но пока, я, охваченный азартом, беру у брата ружьё и ищу свою добычу. Вот он, мой рябчик. Он сидит высоко на лиственнице. Я прицеливаюсь тщательно, но моё возбуждение слишком велико, руки трясутся, и мушка поминутно уплывает от рябчика. Гремит выстрел. Птица срывается с ветки, и раненная опускается всё ниже и ниже.

Однако находит в себе силы выровняться в воздухе и улететь восвояси. Я расстроен, во мне кипит негодование и обода, Валерий просит у меня ружьё, но мне хочется подстрелить самому. В сильном возбуждении я отыскиваю очередного рябчика, тщательно, настолько тщательно, сколько позволяет моё волнение, прицеливаюсь и стреляю. Раненый рябчик срывается с ветки и медленно, трепыхаясь, падает в траву. Мы долго ищем мой трофей, второй в моей жизни, а потом, передавая друг другу трофей, фотографируемся.

В эту минуту для меня не существовало ничего прекрасней тайги, старой лесной дороги, ружья и двух рябчиков, которые теперь добавились в наш турсук. Уже одна мысль о том, что сегодня нас ждёт прекрасный, ароматный птичий суп, вселяла в меня заряд силы и бодрости. В эту минуту я чувствую себя самым счастливым человеком на земле. И как тут не вспомнить дядю Толю, кадрового охотника, заядлого рыбака, ведь если бы не он, как знать, может и не довелось бы мне испытать это прекрасное чувство – охотничью страсть.

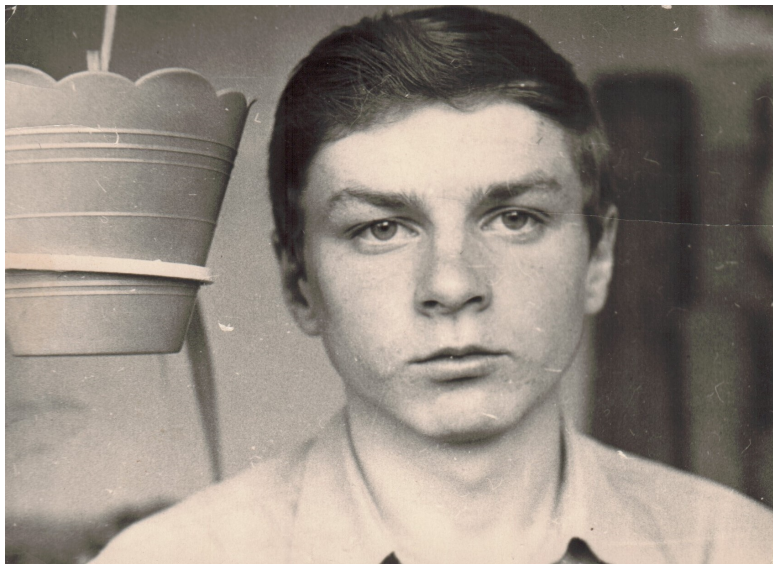
В дальнейшем мы не встречали птиц, так волновавших меня, мы нашли ягодное место, но время было на исходе, надо было возвращаться к общему костру. По дороге назад мы едва не заплутали, я в этих краях впервые, а Валерий – любитель ходить напрямую, вот и получилось так, что напрямую мы шли гораздо дольше, чем если бы шли известным путём, к тому же едва не потеряли турсук с ягодой и добычей. К счастью всё обошлось благополучно, к лагерю ягодников мы пришли, словно победители, с гордо поднятой головой, с массой впечатлений, слегка уставшие, но счастливые. Сытно поужинав, я вдоволь помечтал, сидя у костра, и отправился на ночлег, набираться сил для завтрашнего дня.

А назавтра пошёл дождь. Он шёл с самого утра и не переставал идти весь день, и старшее поколение табора, трезво оценив обстановку, решило не мокнуть и возвращаться домой. Так и закончилось моё очередное путешествие в тайгу.

Дома меня ждали не менее интересные дела: по вечерам,

в свободное от работы время, я снова чистил ружьё, проявлял плёнки, печатал фотографии и продолжал заполнять свой дневник и мечтал снова окунуться в таёжную глушь, снова испытать охотничью страсть.

Однажды на работе меня взяли в лес отводить деляны, то есть, прорубать те самые визирки, по которым мы ходили с Валерием этим летом. Интересная работа: старший группы по компасу выбирает направление либо на север, либо на восток и идёт строго по этому направлению, а мы должны прорубать визир, следуя строго за старшим и измеряя наш путь рулеткой. Позже мне ещё придётся столкнуться с этим вплотную, профессионально осмыслить весь процесс и даже

быть старшим группы, но сейчас меня больше всего завлекло то, что я работаю в тайге. Наряду с топором я неизменно носил с собой ружьё. И однажды мне повезло. Когда мы проходили по уже прорубленному визиру, и я с ружьём шёл впереди, увидел рябчика. Он бегал по траве, искал корм. Я остановился и дал знак своим спутникам. Рябчик по-видимому не видел меня, он пробежал по валёжине и взобрался на торчащий из земли корень. Я испытывал лёгкое волнение, которое, однако не переходило границы. Не торопясь, я взвёл курок, прицелился и нажал спусковой крючок. Осечка! Снова взвожу курок, и снова осечка! Так же не торопясь, без лишних движений, заменяю патрон в стволе и снова целюсь. Гремит выстрел, рябчик срывается с корня, летит, как будто вверх, потом, кувыркнувшись в воздухе, падает в траву. Мне хочется бежать к своему трофею во всю прыть, но, чтобы не показаться мальчишкой в глазах товарищей, я иду как можно спокойней, и лишь душа моя ликует и поёт. Третий рябчик в моей жизни.

Но на следующий день я всё-таки сплеховал, два раза имел возможность отличиться, двух рябчиков брал на мушку и ни разу не попал.

– Ну что же ты? – упрекали меня товарищи. – Кто так стреляет?

А я был в недоумении, неужели патроны неверно зарядил? Как бы то ни было, а насмешки мне пришлось терпеть до самого дома.

24.09.1976. Моя первая встреча с сохатым.

Нет, я вовсе не добыл сохатого, я даже не стрелял в него. Это случилось в тот момент, когда у меня в руках был одно-разовый запас продуктов и обыкновенный инструмент геодезиста. Я был на работе. Позади меня, след в след со мной, шёл такой же, как и я рабочий геодезист и в стороне правее нас, шёл инженер-геодезист. Мы искали свой же теодолитный ход и совершенно неожиданно заплутали. Собственно, найти нашу вырубку не составляло труда и потому то мы, потеряв бдительность, слишком самоуверенно действовали, в результате чего обошли прорубку несколько в стороне. Сколько я ни приглядывался к тайге, знакомых черт в ней я не нашёл. Парень же, который шёл следом за мной (его звали, кстати, как и инженера-геодезиста, Юрой), так вот, этот Юра – рабочий, был далёк от таёжника, хоть и родился и всю жизнь прожил в Сибири.

Мы шли по гари, я тщетно пытался понять, куда мы попали. Юра – геодезист по-прежнему шёл в стороне. Моё внимание привлекла тень, промелькнувшая впереди.

– Интересно, кто это здесь ходит? – спросил я скорей сам себя. – Стой! – вдруг вырвалось у меня в надрывном шёпоте. – Сохатые!

Метрах в семидесяти от нас, мелкой рысцой бежали два лося.

– Где, где? – с загоревшимся любопытством спрашивал меня мой спутник, весь путь наблюдавший лишь за моими ногами.

Но звери уже скрылись. Я сделал шаг вперёд, взглянул в ту сторону, куда ушли сохатые, и замер. Метрах в восьмидесяти, задом ко мне, стоял лесной богатырь. Я не видел его головы, я видел лишь зад. Должен сказать, что тут я немного засомневался: зверь не шевелился, и можно было подумать, что это пень, такой же серый. Я обломал маленький сучок, никаких признаков сохатого. Я обломил сучок побольше и тогда отчётливо увидел, как сохатый сделал несколько шагов и скрылся в кустах.

Мой спутник нетерпеливо теребил меня за рукав куртки и всё спрашивал: «Где они? Покажи!»

Я указывал ему в сторону лосей, но слишком плохое зрение было у Юры, слишком мало было у него навыка и наблюдательности. Он так и не увидел зверей.

Во мне загорелась страсть, я хотел было бежать за сохатыми, но вспомнил о работе, о Юре – инженере, о том, что у сохатых наступило время гона и, наконец, о том, что у меня на вооружении лишь портфель с продуктами. Я переборол в себе желание ещё раз увидеть зверей.

Разумеется, впечатление сохатые произвели на меня неизгладимое, как никак первая встреча.

Правы те, кто утверждает, что тайга полна зверей для тех, кто ходит в лес без ружья, и пуста для охотника. Многие в

этом убеждались, не один раз и я в том числе. Через каких-то пол часа после случая с сохатыми, мы все трое, два Юры и я, неожиданно вспугнули из хлама зайца. Последний пробежал метров десять, остановился и, отчётливо видимый нами, стал наблюдать за нашими действиями. Что нам оставалось делать, кроме как любоваться им. Увы, нет ни ружья, ни даже фотоаппарата. Юра и тут шарил по кустам и всё спрашивал, где же заяц. Наконец мне надоело смотреть на такое близкое и в то же время такое недоступное мясо. Я громко крикнул, и заяц убежал. Тут наконец-то, Юра – рабочий, разглядел косоного впервые в жизни, как признался он потом.

Но заяц пришёл и ушёл, а сохатые долго ещё стояли у меня перед глазами, в своём бесшумном, лёгком и зачарованно красивом беге. Я невольно вспомнил свою последнюю охоту, во время которой видел всего-навсего единственного рябчика, которого и принёс домой. Тогда я мог с любым поспорить о том, что тайга пуста. Сейчас же я любому стал бы доказывать обратное.

Признаться, нынешний охотничий сезон для меня оказался весьма неудачным. Да и в тайгу я уходил очень редко. Вот и послезавтра я уезжаю из Усть-Илимска на месяц. Я жёнюсь! Пришло время и мне ковать свою семью. Очень жаль будет, если я не сумею разделить свою любовь, свою привязанность к тайге со своей будущей женой, а этого ещё нужно добиться, ведь моя невеста ни разу не видела тайгу своими глазами: она родилась и до сегодняшнего дня живёт в

Закарпатье.

30-1-2 Апрель-Май 1977г. Закарпатские «сибиряки» в тайге.

И вот с октября месяца прошедшего года я – семейный человек, не имеющий пока правда, детей, но это дело наживное.

И хотя моя жена не сибирячка, она быстро освоилась здесь, привыкла и полюбила тайгу. Перед Новым годом мы ходили с ней на лыжах за ёлкой, неоднократно, когда мне выпадал случай работать в лесу, я уводил её с собой и знакомил с тайгой. И вот, наконец, сбылась наша с ней общая мечта: сходить на охоту. Весной этого года сюда приехал старший брат жены Пётр, естественно, что желание увидеть тайгу загорелось и в нём. И вот мы втроём в пятницу 29-го апреля, после работы, покидаем тёплый уголок и отправляемся опять же на Грязнуху.

Решено было ночевать все три ночи в зимовье, там, где мы ночевали год назад с Игорем. Пошёл бы я один без жены, я наверняка отказался бы от тёплой таёжной избушки, ночевал бы себе под открытым небом, а тут иначе нельзя поступить: ночи ещё холодные.

В восемь вечера отец добросил нас на своём «запорожце» до бывшего леспромхозовского стана и дальше мы пошли пешком. Мало интересного в том, как мы шли, доро-

га была для меня знакома, но, когда мы стали подходить к старой тушамской дороге, здесь мы увидели картину, которую встречали с Чёрным Медведем почти четыре года назад на Кедровом ручье: довольно приличная площадь леса была безжалостно вырублена. Расширяет свои владения цивилизационный человек, губит природу, теснит тайгу. Идти по вырубленному участку было трудно. Сучья, ветки, хлам преграждали дорогу. И вот, наконец, мы вышли на Грязнуху. Здесь уже началась настоящая тайга: естественные завалы. Я посматривал на своих спутников и ждал, какое впечатление, особенно на Петра, произведёт встреча с тайгой. По всему видно было, что брат моей жены начинает жалеть о том, что пошёл с нами. Ничего, это поначалу, к тому же уже вечереет, суровой становятся очертания тайги.

По пути нам встретился рябчик, попересвистывались мы с ним немножко, да на том и расстались, необходимо было торопиться к зимовью.

Итак, путешествие началось, и началось оно с первой же неудачи. У места нашего назначения нас ждала довольно печальная картина: через ручеёк то мы перебрались, а вот в зимовье не попали. По самые нары и до половины двери, избушка стояла во льду. Я невольно вспомнил, как мы с Чёрным Медведем, шесть лет назад, увидели почти такую же картину в зимовье «Три зуба». Тогда мы ночевали под открытым небом, сейчас нас ждёт такая же участь. Погоревали таёжники, покручинились и принялись за дело. Соорудили

из брёвен двое нар, посередине разложили костёр, вскипятили чай, поужинали и принялись устраиваться на ночлег.

Должен сказать, первая ночь выдалась довольно тёплая для конца апреля. Во всяком случае я проспал неплохо, а вот закарпатцы Пётр и Анюта..., впрочем, это было понятно: для них наступила первая таёжная ночь. Петя кочегарил всю ночь у костра, а Аня задремала лишь под утро.

Ну что-ж, для них этот таёжный поход – своего рода экза-

мен. Ещё с вечера я предупредил своих спутников о том, что за ночь кто-то, что-то спалит. Так оно и случилось. Среди ночи меня разбудил голос Аннушки:

– Петя, горишь! – кричала она.

Бедные ватники, что только им не предстояло вынести. Они в буквальном смысле взялись огнём. Я схватил всё что горит, убежал к ручью и затушил в воде огонь. В воздухе запахло знакомой палениной. И ведь это только первая ночь.

Наутро мы с Петром будили Аннушку. Бедная, она не могла уснуть всю ночь, а под утро он, известное дело, самый сладкий.

На этот раз я не спешил отправляться пораньше, ведь привёл сюда жену и её брата не для того, чтобы носиться вместе с ними за дичью, а, чтобы показать тайгу, это прежде всего мне следовало не забывать, со мной не Чёрный Медведь.

Наконец, мы были готовы отправиться в путь. В рюкзаке у нас было продуктов на один раз. Мы не наметили маршрут путешествия, решили сначала дойти до Тушамы и там подумать, как быть. Шли не спеша, по пути не встретили ни одной птички, кроме разве что пичуг. По дороге я рассказывал своим спутникам, где я был и показывал места, где разыгрывались те или иные более-менее интересные события. Так мы добрались до Тушамы. Куда идти дальше? Вверх? Там мною уже всё исхожено.

– Пойдём вниз. – предложил я.

Возражений не было.

Идти было трудно, часто приходилось продираться сквозь густые заросли. Мы то выходили на самый берег реки, то углублялись в лес. В один из перекуров мы вышли на бережок, я прислонил ружьё к колодине. Мы стояли, любовались рекой, тайгой. Я высказывал предположения, где должны быть утки, когда растают лужицы. В общем-то Пётр был недоволен началом охоты. Да и не мудрено. Может быть даже он предполагал, что от дичи не будет отбоя, а последней до сих пор нет. Я убеждал его в том, что утки ещё только начинают прилетать, что ещё рано. И вдруг я первым заметил, как из-за поворота вылетели две утки и стремительно несутся в нашу сторону. Я быстро схватил ружьё, взвёл затвор, прицелился в одну из уток и выстрелил. Самый обыкновенный промах, вот и весь результат. Я конечно был недоволен самим собой.

Однако на моих спутников этот случай произвёл огром-

ное впечатление.

– Значит всё-таки есть дичь! – торжествовал Пётр.

В нём одновременно кипели и радость, и возбуждение, и сожаление неудачи. Моя Аннушка всё время повторяла:

– Ух ты, жалко, что не попал!

Я же относил эту неудачу к десяткам и сотням предыдущих. Дальше шли уже все втроём, внимательно высматривая уток, все надеялись на удачу. Скоро мы сделали небольшой привал, достали из рюкзака продукты, немного перекусили, не разводя костра, и отправились дальше.

Должен сказать, что основной нашей целью было найти переход через Тушаму, о котором мне в прошлом году говорил один охотник. Но мы прошли уже довольно приличное расстояние, а перехода всё не было. Я уже отчаялся найти его, к тому же уток не видели, и я предложил уже возвращаться, но Пётр настоял на том, чтобы пройти ещё один поворот и, не дожидаясь нас с Аней, отправился один. Мы же остались вдвоём на берегу реки. Скоро мы услышали крик Петра, он звал нас к себе. Мы не заставили себя ждать, отправились к нему и вышли на высокий утёс. Место было красивое, внизу под утёсом вилась Тушамы и, напротив нас, разливалась на два русла, огибая остров с кустарниковой растительностью. Река уже освободилась ото льда почти полностью, лишь иногда встречались огромные льдины, местами на всю ширину реки. Мы вытащили из рюкзака фотоаппарат, сделали несколько снимков.

Неожиданно над Тушамой пронеслась парочка уток, я увидел их уже поздно, поэтому ни чего сделать не успел. Мы продолжали фотографироваться.

Пётр стоял на краю утёса, ему было хорошо видно русло Тушамы. И вдруг он предупреждающе вскрикнул:

– Утки летят!

Меня сдуло с бревна, на котором я сидел, хватаю ружьё, лихорадочно выискиваю птиц, ничего не вижу, во мне кипит возбуждение.

– Вон они! – Пётр указывает рукой на вершины деревьев, тут же оттуда вылетает утка и ... ни с того, ни с сего производится «Карр».

– Тьфу, чтоб тебя! – вырывается у меня, я оборачиваюсь к Петьке, не оправившийся ещё от возбуждения, злой, но тут же раздражаюсь громким смехом, хватаясь за живот.

– А я сначала в самом деле подумал, что утка. – смеясь признаётся Пётр, и мы уже трое трясёмся от смеха. До слёз насмеялись. Надо же было так. Ворона вместо утки.

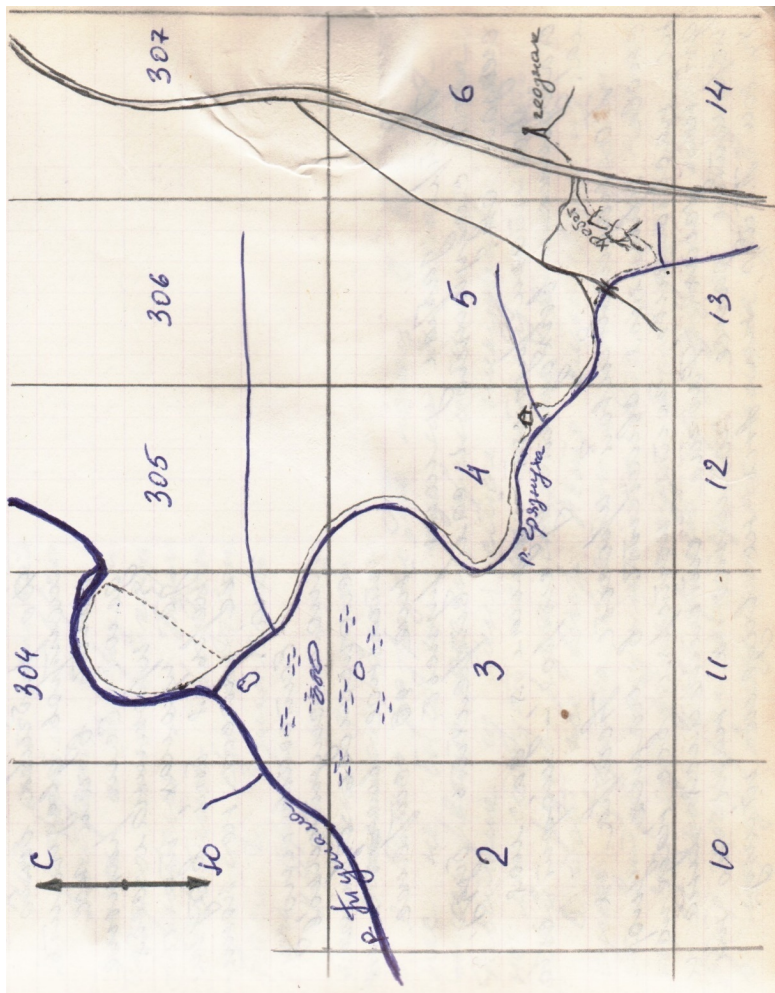
Итак, подошло время возвращаться, но нам очень уж понравилось это место, и мы решили вернуться сюда, чтобы провести здесь остальные две ночи. Я упаковал в рюкзак фотоаппарат, но свист рябчика привлёк наше внимание раньше, чем мы отправились в обратный путь. Я достал манок, посвистел. Откликается. Оставив Аннушку с Петром у рюкзака, сам отошёл немного на свист птицы и укрылся в ямке. Двадцать минут продолжался наш «разговор» с рябчиком, я упорно сидел в своём укрытии и свистел. И судьба одарила меня за усердие удачей. Подозвал я всё-таки рябчика, третий раз в жизни подозвал, стрелял из неудобного положения, ра-

нил птицу. Стрельнул ещё раз, но так подранком и изловил петушка.

Для моих спутников это была величайшая радость, всё-таки есть из чего суп варить.

Рябчик был ещё живым. Я достал из рюкзака фотоаппарат и сделал несколько снимков живой птицы. И вовремя успел. Дробь своё дело сделала, рябчик начал клонить голову. Чтобы ускорить его кончину, чтобы не мучилась наша жертва, я взял петушка за лапки и добил его о дерево. Жестоко, но необходимо. Рябчика взяла Аннушка, и мы отправились в обратный путь, но не берегом Тушамы, а на прямую, по компасу на юг, заворачивая немного на юго-запад. Каково же было наше удивление..., а, впрочем, всё по порядку.

Мы встретили здесь превосходный сосновый бор, чистый,

почти без валёжин и снега. Идти было легко. Минут через пятнадцать мы стали подходить к какому-то озерку. Как будто раньше такого не видели. Озеро мне показалось довольно приличным, но оно было ещё во льду, и мы решили просто приблизится к нему и осмотреть повнимательней. Но что такое? Знакомые очертания, тропинка, старая яма на зверя, да и лужа знакомая. Бог ты мой, да это же Грязнуха! Так и есть. Здесь рядом сожжённое зимовье, отсюда до Тушамы рукой подать. Ну надо же, какую петлю делает Тушама, ведь мы по ней шли самое малое два часа, а тут, пятнадцать минут ходу. Теперь мы сможем не только вернуться, но и поохотиться в полюбившемся нам месте. Все были возбуждены, разговаривали много, громко, особенно мои спутники, да и я тоже поддался их возбуждению. А когда мы огибали небольшой мысок, за последним, буквально в десяти метрах от нас, вдруг взлетела копалуха, и пока я приходил в себя, сдёргивал с плеча ружьё, а оно к тому же сорвалось у меня из руки, птица развернулась в воздухе на девяносто градусов и, как вихрь, умчалась прочь, только мы её и видали. И ещё одна моя оплошность. За что себя всегда ругаю, на том и поймался вот уже в который раз.

О Петре с Аннушкой нечего было говорить, их возбуждению не было предела, столько для них открытий было на сегодня.

Дальше, естественно, никто не попадался несмотря на то, что разговоры наши умолкли, шли мы предельно бесшумно,

а своё ружьё я не выпускал из рук.

И всё же, когда до зимовья осталось километра полтора, мы распугали парочку рябчиков. Почти сразу же один из них засвистел, подзывая свою пару. Я принялся свистеть в манок, и мы с этим рябчиком «сговорились» довольно быстро. Я подозвал его на расстояние верного выстрела, прицелился и пальнул. Рябчик подранком перелетел на другое дерево, однако мне можно было стрелять и с этого расстояния. И я выстрелил. Рябчик вспорхнул и, постепенно снижаясь, улетел метров на восемьдесят от меня. Я ничего не мог понять, от чего такие промахи. Крупная дробь? Да нет. Ненадёжные заряды? Тоже нет. Так почему же? Ведь я стрелял с вернейшего расстояния и выцеливал тщательно. Непонятно.

Я начал насвистывать другому рябчику, но последний был где-то неподалёку и, видя нас, тревожно верещал. Тогда я медленно пошёл вперёд, обшаривая глазами деревья. И нашёл. Медленно поднял ружьё, чтобы не вспугнуть птицу, тщательно прицелился, выстрелил и промахнулся. Ну уж тут я совсем растерялся. До рябчика было метров двадцать пять, в чём же дело? Если раньше я проклинал себя за промах, то теперь я был в тупике, ничего не понимая.

Естественно, у моих спутников сложилось отрицательное мнение о стрелке. Пётр забрал у меня ружьё.

– В следующего я сам стрелять буду. – сказал он.

«Всё-таки ружьё». – думал я, да, моя старушка выходит из строя – люфт ствола.

По настойчивой просьбе Петра, я снова принялся свистеть в манок, упорно, настойчиво, хотя потерял все надежды на успех. Рябчик откликнулся мне и перелетел даже поближе к нам, но ни я, ни Пётр, ни Аня не видели птицу. А я всё свистел и свистел, не отступая.

Но вот Пётр как будто бы увидел рябчика, он весь сжался в комок, подхватил ружьё, прицелился и выстрелил. Я не видел, ни как падал рябчик, ни как улетал. Напрасно мы искали свою добычу, оказалось просто-напросто Пётр выпустил заряд в сплетение веток, похожих на рябчика. Ну что-ж, я стрелял из этого ружья впервые тоже в сучок, так простим же Петра. Он тоже впервые стрелял из этого ружья. Мы ещё попытались найти подранка, но потратили время впустую.

Вторая ночь нашего пребывания в тайге была очень холодной. Накануне ночи, мы с Аннушкой пилили дрова, пила сорвалась, и я сильно разрезал палец. С собой у нас не было ни йода, ни бинта, пришлось рвать одеяло, принесённое из дома. Работник из меня стал никудышный, я не мог согнуть палец, поэтому цепкость левой руки резко снизилась.

В тот же вечер Пётр смастерил из кусков брезента, снятых с зимовья, заслон от ветра. Получилось-то это у него неплохо, но от дыма некуда было деться. И снова повторилась предыдущая ночь. Пётр кочегарил костёр, на в силах уснуть в мороз, Аннушка не спала до самого утра и лишь я прокрутился всю ночь, подставляя костру то спину, то лицо, однако согреться так и не смог.

Наступил ещё один день нашей охоты. Мы поднялись, готовили завтрак, перекусили и стали собираться в путь.

В это утро случилось событие, которое никогда нельзя выбрасывать из памяти. Я вынул из ружья патрон с пулей, заряженный на ночь, затем достал из кармана, найденный Петром вчера, патрон с дробью, примерил его к своему ружью (дело в том, что вчера патрон был размокший и не входил в ствол), убедившись в пригодности, я перезарядил ружьё своим патроном с пулей и, по совершенной случайности, забыл спустить затвор. Я стоял лицом к костру, а ружьё лежало сзади меня на траве. Пётр взял его (это я видел), pokrutil в руках и вдруг надумал проверить, заряжено ли оно. В это время я не смотрел на него как вдруг, за моей спиной, грянул выстрел. В то же мгновение затрещали сучья на деревьях, и было слышно, как в полуметре от меня, свалилось в траву ружьё. Внезапный холодок пробежал по моему телу. Я обернулся на выстрел и увидел Петра. Он стоял какой-то растерянный, перепуганный. Нет, он никого не зацепил, несчастье не произошло, но факт остаётся фактом – нечаянный выстрел. Не зная, как проверять заряжено ли ружьё, Пётр нажал на курок – вторая страшная ошибка. Ружьё. К счастью, было направленно вверх стволом, и пуля хлестнула лишь по веткам деревьев. Да, случай поучительный, такого со мной не случалось, долго я не забуду его.

Итак, утром этого дня мы отправились снова в сторону Тушамы. Снова я пересвистывался со стреляным рябчиком, снова из этого ничего не получилось. В удаче я разочаровался, поэтому отдал ружьё Петру. Мы не дошли до Тушамы,

побродили по Грязнухинскому распадку, попытались было перейти ручей, но последний так разлился, что мы отказались от своей затеи. И тут мои спутники пали духом. Они начали уговаривать меня уйти домой пешком, вернее Пётр разочаровался в охоте, Аннушка всё это время молчала. Это уже мне не нравилось, но я не стал переубеждать Петра. На том мы и порешили. Вернулись к тропе и уже почти дошли до нашего стойбища, но снова рябчик, тот злополучный стреляный рябчик, не давал нам покоя. Мы с Петром по очереди стали опять насвистывать птицу, потеряли не мало времени, но всё бес толку. «Стреляный воробей», так и осталось ему это прозвище. А раз стрелянный, значит голыми руками не возьмёшь.

Мы снова бросили свою добычу неподстрелянной, пришли к стойбищу и хотели уже собираться домой, но у Петра снова сменилось настроение, теперь уже он расхотел идти пешком почти тридцать километров, ему не хотелось больше ночевать у костра, мёрзнуть и не спать как следует, но он смирился с этим. Итак, мы остались ещё на одну ночь, завтра вечером за нами приедет отец.

Времени у нас было предостаточно, погода стояла солнечная, тёплая, и мы, пригреваясь солнцем, уснули прямо на траве, вернее на брусничнике. Спали недолго, потом собирали и ели прошлогоднюю бруснику, а потом решили пойти ещё немного погулять. Петра завлекал наш «стреляный воробей», ему во что бы то ни стало хотелось перехитрить ряб-

чика, и мы снова отправились к злополучному месту. Там, где в Грязнуху впадает маленький родничок, образовался мысок, крутая возвышенность, переходящая в высокую сопку с сосновым бором. Мы взобрались на этот мысок, и едва я просвистел в манок, как где-то недалеко в распадке послышался шум крыльев. Сомнений нет, это рябчик. Мы все трое спрятались за мысок, Пётр – с ружьём, мы с Аннушкой – с манком. И началось. Где-то выше по роднику свистел один рябчик, на своём месте сидел «стреляный воробей» и тоже свистел, откликаясь на мой манок. А за мыском, в распадке, перелетая с ветки на ветку, с дерева на дерево, приближался к нам ещё один рябчик. Вот уже пятнадцать минут продолжается наш концерт – три рябчика и я, мы не сдаёмся, терпеливо сидим в укрытии и ждём.

– Сейчас он нам свинью подстроит. – высказал я Аннушке своё предположение. – Вылезет из-за мыска и столкнётся с нами нос к носу, а ружьё у Петьки.

Сколько времени прошло, не знаю. Какое-то внутреннее чувство подталкивало меня: «вылезь из-за мыска, вылезь повыше, он же здесь». И вдруг... вот он, распроклятуший рябчик. Он вылез из-за холмика в четырёх метрах от нас, мне его отчётливо видно, но шевелиться нельзя. Сказать о нём Аннушке боюсь, вспугну ведь, я успел разглядеть чёрное пятно на подбородке птицы – петушок. Тут рябчика увидела Аня, она подумала, что я не вижу птицу.

– Аркашка, смотри, вот он. – прошептала она, но шёпота

не получилось. Слишком велико было возбуждение, к тому же она указывала на рябчика рукой. Последний конечно же не мог не увидеть нас, он развернулся, тревожно заверещал и улетел. Однако улетел недалеко, я его видел, можно стрелять.

– Петька, ружьё давай. – шепнул я, протягивая руку. Пётр, пригибаясь, подошёл к нам и протянул мне ружьё. Я лёжа выцелил рябчика да так тщательно, что не попасть было просто невозможно, выстрелили и... всё-таки промахнулся. Ну что ты будешь делать, я вскочил, швырнул ружьё на землю, сыпля три тысячи проклятий. Нет, друзья, как вы не браните охотника, не стрелок тут маху дал, всё-таки она, моя старушеница, дряхлая, чахлая одностволка. Пётр не пал духом.

– Должен же в конце концов и я стрельнуть в рябчика. – говорил он.

Чтобы предоставить ему такую возможность, мы отправились вверх по роднику, там свистел рябчик. Скоро мы нашли и не одного, а парочку. Когда перепуганные птицы разлетелись, я принялся свистеть в манок. Мы не долго пересвистывались, разлетевшиеся в разные стороны рябчики сошлись снова. Да, теперь задача потрудней, сейчас их не подманишь. Мы сидели на склоне распадка, а рябчики были внизу, как раз напротив нас. Пётр начал маневрировать. Он как мог осторожно перебирался вглубь распадка к рябчикам, но его было слишком хорошо видно и слышно. Рябчики снова перелетели, но так, что по одному их можно было стрелять не

раздумывая. Я вижу птицу, но ружьё у Петра, ему можно стрелять. Но тот промедлил, размышляя стрелять, или не стрелять. Потревоженные в конец рябчики улетели, плюхнулись в снег метрах в ста от нас, и как мы не пытались настичь их, удача была на стороне птиц.

Мы вернулись к стойбищу, поужинали, заготовили на ночь дров и расположились на третью, последнюю ночь в тайге.

Наутро, несмотря на то, что времени у нас было достаточно, мы сразу после завтрака отправились домой. День стоял превосходный, тёплый, солнечный. Мы собрали свои пожитки, затушили костёр, распрощались со своим стойбищем и не спеша отправились вверх по Грязнухе. Путь, по которому мы шли в зимовье, был оставлен нами в стороне. Мы пошли по Грязнухе насколько хватит наших сил и терпения. Там, где ручей пересекает старый тушамский тракт, мы сделали длительный привал. Пригреваемые солнцем, мы проспали на траве часа полтора, затем, со свежими силами, отправились дальше. Здесь на нашем пути встали завалы, образованные пожарищем. Идти было трудно, но выходить на кеульскую трассу не хотелось ни мне, ни моим спутникам, и всё же около часа дня мы повернули на восток. Здесь мы вспугнули ещё одного рябчика. И снова всё повторилось: я подманил птицу на расстояние метров тридцать (кстати забыл одну деталь. Вчера вечером мы с Петей стреляли в мишень, проверяя ружьё. Весь заряд уходил вправо и вниз,

мои предположения оправдались). Здесь уже выцеливал добычу я, брал влево и вверх, однако результата никакого, удача оставила меня. Первая охота в этом году принесла мне сплошные разочарования.

Мы вскипятили чай, пообедали и отправились дальше. Довольно скоро мы подошли к сопке с лысой вершиной, не раздумывая взобрались на неё. Здесь мы обнаружили, что сопка переходит в хребет, с южной стороны которого, некогда велась вырубка леса.

Мы сделали несколько снимков, Аня насобираала первых подснежников, для неё это были первые сибирские подснежники в жизни.

На южном склоне хребта снег весь стаял, палило солнце, стрекотали кузнечики, летали мухи и бабочки. Лето постепенно брало верх над зимой. Солнце поедало остатки снега, открывая путь к жизни цветам, траве. Я люблю помечтать, сидя на вершине сопки и всматриваясь в бескрайние просторы тайги, а тем более сейчас, когда рядом сидит жена, которая понимает меня, я испытываю двойное блаженство. Мне ещё предстоит скрадывать глухаря, где меня постигнет в сотый раз неудача. Мы обнаружим пропажу плёнок, на которые засняты ценнейшие кадры, и хотя грустно покидать тайгу, всё-таки прекрасно иметь верного друга и помощника в лице своей жены. От этого смягчается горечь любых неудач.

Последний выстрел сегодняшнего дня достался ей, Аннушке. Она стреляла в банку. Она попала, да так попала, что можно было подивиться, никакой рябчик не остался бы в живых от такого выстрела.

Вот и вся охота.

3-4 Сентябрь 1977г. Как в кино.

Удачных походов в моей практике мало, читателю это известно. Но я никогда не отчаивался, всегда отправлялся в новое путешествие с душой, с великим стремлением. Редкость,

когда я ничего решительно не забуду дома, собираясь в тайгу. На сей раз случай редкий. Я и мой младший брат Санька, «Чёрный коршун» (ввожу дополнение: здесь возможна смена этого имени, всё зависит от него, Чёрного коршуна). Итак, мы вдвоём набили рюкзак и турсук всем необходимым и в четыре часа двадцать минут вышли из дома.

Для сравнения вкратце опишу предыдущий поход, где участниками были я, Чёрный Коршун и Анята, моя жена. Этот поход состоялся неделю назад. С нами, как, впрочем, и на этот раз, не было фотоаппарата. Сожалею, но что поделаешь. Из забытых вещей были стельки из моих сапог, мелочь, но забытая.

Всю дорогу мы обгоняли целые толпы ягодников, которые, помогая дождю, разбили тропу до такой степени, что идти по ней было сплошным мучением. Лишь в 542-м квартале на развилке дороги с тропой мы на некоторое время вырвались вперёд всех любителей походов. И в этом мы выиграли: Аннушка, идущая впереди, вспугивает выводок рябчиков, и я начинаю суетиться. С этой весны моё ружьё лежало непристреляным, и только поэтому мой первый выстрел ушёл в небо. Я расстроился, но ненадолго. Через пятнадцать минут я снимаю-таки рябчика с дерева и на этом успокаиваюсь. За это время нас обогнали самые настойчивые, и до самой Невонки мы шли в центре всей толпы. Обедали на Дресунье и на этом здорово прогадали, потеряв немало времени. На Невонку пришли уже во втором часу, поразмыслили,

построили план дальнейших действий, выбрали место для шалаша, специально поближе к ягоде, и занялись каждый своим: Аня – собирала ягоду, мы с Чёрным Коршуном – пристреливали ружьё. Должен сказать, нам удалось найти нужный заряд и нужный прицел, что приятно порадовало нас. Завершающим был выстрел из пули, великолепный выстрел. Тридцать сантиметров прошла пуля по стволу сосны, едва не прошла дерево насквозь.

Только Аннушку не радовало, она будто предчувствовала приближение дождя.

– Готовьте дрова на ночь, стройте шалаш. – твердила она нам, но мы так и не взялись за дело, пока не извлекли пулю из ствола дерева. Любопытство сломало разум, и шалаш нам уже пришлось соорудать под мелким нудным дождём, которому не было ни конца, ни края. Соорудили шалаш, но к тому времени промокли до самой последней нитки. У меня в сапогах хлюпала вода. Стоило лишь на несколько секунд остановиться, как сразу начинало знобить. Но нам нужно от- дать должное: всё это время костёр не потухал, было пригото- влено всё необходимое для варёва (грибы, собранные в дороге и заменяющие картошку, отсутствующую в наличии, рябчик, маленький, дохленький, но рябчик). Когда на западе показался маленький просвет, а с юго-запада стала прибли- жаться туча, что называется черней угля, я обратился к богу:

– Да прогони же ты эту тучу, господи. Да подари же ты нам, наконец, хорошую погоду, век тебе молиться буду. Мо-

жешь ли ты нас понять в конце-то концов! – с такими возгласами я безобразно размахивал руками делая вид, что крещусь.

Пронесло тучу стороной, разметал ветер облака, унося их на восток, открывая путь к звёздному небу, и забыл я про свой крик и обещание богу, потому что никогда в жизни не верил в его существование. Погода нормализовалась, пора браться за дело.

Наготовили дров, высушили мокрую одежду, насытили желудки супом, и уже ночь тут как тут, пора спать.

Ночью плохо спать, а утром самый сладкий сон. Едва разбудил я своих таёжников, да и жалко будить, а надо.

До одиннадцати часов побродили по тропе, не желая мокнуть в росе, нашли зимовье, которое давно уже мечтал найти, и вернулись к шалашу. В час дня решили идти домой, оставшееся же время нужно пустить в дело. Меня ноги сами повели в распадок поохотиться, но едва я углубился в болотце, как навешал на деревья добрых полтора десятка грибов. Не раздумывая ни минуты, возвращаюсь к ребятам.

– Бросайте ягоду, пошли за грибами. Хоть этого добра наберём. – принялся я убеждать их. – Всё равно ягода уже не состоялась.

И верно, за час мы почти до отказа набили турсук грибами, а между делом и рябчик на удочку попался. Выстрел был отменный, наконец-то я снова подстроился под свою старушенцию – ружьишко. Это отнюдь не последний был выстрел.

По пути домой, по тропе, я грохнул ещё трёх штук.

Уставшие, разбитые пришли путники домой, но уже в дороге был построен план нового похода, как это и бывает зачастую.

Да, для моей Аннушки это было суровое испытание. Впервые в жизни такой длительный поход с рюкзаком за плечами – не шутка, но она держалась молодцом. Экзамен выдержан на пять, не ниже, такую я даю ей оценку. И хотя она попросила отвод от следующего похода, ею сделан большой шаг в большие путешествия. Молодец, Анюта!

И вот мы с братишкой на тропе к зимовью. Сказать честно, отчего-то у меня было беспокойно на душе, совершенно без понятия, что за причина, но это предчувствие встревожило меня не на шутку.

В надежде пройти по тропе первыми мы затемно вышли на неё. И действительно, до Ручья мы шли первыми, а здесь нас обогнали сразу несколько человек, не считая тех, которые ночевали у Ручья и сейчас уже в пути.

Мы шли быстро, как говорил Чёрный Коршун: «Идём в разнос», действительно, грязная избитая тропа выматывала все силы, но мы настойчиво настигали одного путника за другим и всё шли и шли вперёд, навстречу неизвестности.

Почти в том же месте, где неделю назад я подстрелил первого рябчика, мы вспугнули опять-таки выводок, возможно тот же самый. Я снял с плеч турсук и пошёл на удачу: развернув болотные сапоги, чтобы не мокнуть в росе. Иду спокой-

но, уверено, напрягая слух и зрение, стараясь идти бесшумно. Чу, где-то впереди заверещал тревожно рябчик, ага, он меня видит, прекрасно. Я замираю, выискивая птицу. Долго не могу найти, однако не отступаю, уверенный в своей удаче. Да их тут не один, я слышу двух, кто кого перехитрит. И всё-таки один из них не выдерживает поединка, вылетает прямо на мой выстрел. Патрон заряжен бездымным порохом, поэтому я чётко вижу, как рябчик камнем валится в траву после выстрела. Однако я не мчусь к добыче, зная, что она никуда не уйдёт, рядом верещит ещё один рябчик, надо искать его. Запоминаю то место, где лежит «полсупа», тщательно выискиваю вторую половину, нахожу её, сидящей на дереве, скидываю ружьё и... неожиданно промахиваюсь. Вот так дела, расстояние-то небольшое, впрочем, рябчик кажется подранен, как-то больно неуклюже он летел. Мы вместе с Чёрным Коршуном попытались найти его, но испугнули вполне здоровую птицу, без признаков ранения.

Ну и шут с ним – решили мы, набросили котомки на плечи, трофей приютили в рюкзаке у Чёрного Коршуна, и – вперёд.

На этот раз на Дресвунье не обедали, и в награду за это на место (к известному уже нашему шалашу) пришли в одиннадцать часов. Плотно пообедали и в час дня, с пустым турсуком, подстрекаемые охотничьей страстью, отправились на промысел. Миновали зимовье ягодников и направились по тропе на запад, куда чутьё подскажет. Тропа поднималась по

ручью Дресвовому, великолепная тропа, мечта, а не тропа. В одном месте мы попытались войти в распадок, но вернулись на тропу, с целью пройти ещё дальше. Едва мы вышли на тропу, как тут же вспугнули рябчика, какой-то странный, одиночка, не пугливый, сел на ветку и сидит.

«Ну и пошли с нами» – подумал я, без суеты, спокойно снял его выстрелом с куста ольховника. Нет, пусть читатель не подумает, что я хвастаюсь, ни в коем случае. Действительно, в этом деле я обрёл нужное спокойствие, нужное хладнокровие, во всяком случае, сегодня у меня именно такие чувства. Я часто ловлю себя на том, что иду на рябчика с мыслью о том, что быть такого не может, чтобы не подстрелил. Постоянно прогоняю от себя эту мысль. Заставляю взять себя в руки, отбросить излишнюю самоуверенность, и это мне помогает.

Итак, Лесной Ястреб и Чёрный Коршун обеспечены сегодня великолепным супом. Только удовлетворяться лишь этим мы не намерены, домашние тоже хотят мясо, так что вперёд охотники, вперёд.

Через некоторое время мы вновь попытались углубиться в распадок, но снова вернулись на тропу. Здесь наше внимание привлекло мелколесье. Молодые сосёнки росли здесь так густо, что вряд ли кто-то рискнул бы продирается сквозь них. Чёрный Коршун взобрался на дерево, чтобы осмотреть сверху это мелколесье, занимающее приличный островок земли и окруженный со всех сторон великолепным чистым сосно-

вым бором. В это время к нам оттуда, куда мы с Чёрным Коршуном держим путь, вышли двое ягодников. Они были огорчены не на шутку, столько ягодника и нет ягоды. Я начал выпытывать, где они были и получил довольно подробное описание тех мест, откуда пришли ягодники, и куда идём мы.

– Только рябчиков там нет. – сообщили нам путники. – Мы ни одного не вспугнули, а вот сохатые тропу пробили. Походите, поищите, может подстрелите, тогда и нам дайте знать. Хоть грамм по сто мяса уделите.

С такими словами ягодники набросили на плечи полупустые турсуки и отправились к зимовью. Шустрые мужики, чего греха таить, даже за мясо побеспокоились.

– Ну что-ж, обязательно пригласим. – решили мы с Чёрным Коршуном, только когда заяц на горе свиснет.

Пройдя немного по тропе, мы вышли на какую-то визирку, идущую с севера на юг, и, поразившись, отправились по ней на север, снова в распадок. Действительно, довольно долго мы не встречали, как говорят, ни птицы, ни зверя, но, когда почти подошли к квартальному столбу (я даже успел издали рассмотреть номера кварталов), мы вспугнули трёх рябчиков, а минут через десять одного из них я подстрелил. В это время начал накрапывать дождь. Чёрт возьми, неужели погода испортится, вся надежда на неё. Но нет, скоро дождь перестал, снова выглянуло солнце, снова защebetали попрятавшиеся было пичуги, и мы вновь продолжили свой путь

вверх по Дресвовому ручью. По пути я подстрелил ещё одного рябчика, и Чёрный Коршун попросил у меня ружьё, чтобы попытаться своё счастье, ведь он делает в тайге первые шаги охотника и на его счету ещё нет ни одного рябчика, как говорится, он проходил у меня стажировку. И вот, наконец, наступил момент сдавать экзамен, первый экзамен таёжника. Чу, где-то вспорхнул рябчик, ну, Чёрный Коршун, вперёд. Я стою на месте, следя за ним, и даю вполголоса ему последние указания:

– Иди осторожно, старайся чтобы он увидел тебя и не напугался. Тогда он начнёт верещать, а значит и шевелиться. В это время ты замирай и шарь глазами по деревьям, ты должен его увидеть.

Всё это время Чёрный Коршун, следуя моим советам, осторожно продвигался вперёд и вдруг как-то весь сжался в комок. В то же время я услышал тревожное верещание рябчика. Чёрный Коршун прикладывает ложе ружья к плечу, тщательно целится и стреляет.

– Молодец! – кричу я ему, видя, как рябчик камнем валится с дерева.

Чёрный Коршун опрометью кидается к своей добыче, хватая рябчика за шею, забыв о том, что нужно перезарядить ружьё, он ликует. Да, это первый в его жизни рябчик, и я его прекрасно понимаю, ведь у меня тоже был свой первенец.

Итак, у нас в турсуке четыре рябчика, пятый дожидался нас в шалаше. Но у нас ещё есть время в запасе. И мы снова

идём дальше в неизвестность на удачу. Скоро я снова снимаю с дерева рябчика, но неудачно, раненая птица падает в траву, и я мчусь к ней, чтобы не потерять её совсем. Но рябчика нет, где же он? Я внимательно осматриваю место, где должен лежать мой трофей, но рябчика не вижу. Зову на помощь Чёрного Коршуна, но как-то случайно взглянул на молодую берёзку. Чёрт возьми, да ведь это же мой рябчик сидит на ветке в десяти метрах от меня не то убитый, не то раненый.

Недолго думая, я вскидываю ружьё и стреляю в птицу. Последняя валится с ветки в траву и становится шестым нашим трофеем на сегодняшний день. Это уже кое-что значит.

Но время к вечеру, пора возвращаться к шалашу. Мы с Чёрным Коршуном повернули на юг и напрямиком направились к тропе. Вдруг в стороне от нас взлетел рябчик, потревоженный нами. Я-то услышал, а Чёрный Коршун принялся утверждать, что это ветка хрустнула, что никакого рябчика нет, но я был непоколебим. Вручаю брату ружьё и направляю его прямо в ту сторону, где должен сидеть рябчик. Тут я заволновался. Не за себя, нет, за Чёрного Коршуна разволновался, сумеет ли он подстрелить этого рябчика или нет? Я снова делаю ему последние наставления, и Чёрный Коршун великолепным выстрелом снимает птицу с дерева. Да, это уже удача, наша общая удача.

Но прошу прощения, я упустил одну деталь: за несколько минут до этого случая, Чёрный Коршун блеснул своей наблюдательностью. Он, действительно как коршун, парящий над лесом и выискивающий добычу, озирался по сторонам, не выпуская из виду ни одну мелочь. Нашёл вдруг в траве самую обыкновенную... бутылку водки, закупоренную, полную бутылку настоящей водки. Вот так подарочек, никак я не думал, что тайга может преподносить ещё и такие подарки, ведь кому-то расскажешь, ни за что не поверит. Мы невольно вспомнили тех ягодников, да, да, именно они и только они оставили здесь такое богатство. Ведь в их описа-

нии тайги был именно этот густой мелкий лесок. Так вот куда они забрались, ну что-ж, спасибо за подарок, будет чем обмыть первый трофей Чёрного Коршуна. Есть над чем посмеяться. Этот случай я не забуду, пожалуй, всю жизнь.

Первый день охоты закончился. Семь рябчиков – таков наш результат. Две птицы пойдут на суп, который, кстати, был сготовлен очень даже удачно – вкус изумительный, мяса вдоволь и даже водка к этому супу имеется. Не даром Чёрный Коршун изрёк старую, надоевшую, но так подходящую к сегодняшнему дню фразу – «Как в кино».

Неподалёку от нас расположились на ночлег человек десять ягодников, шумная, весёлая компания, но нам это соседство ничуть не мешало. Мы были довольны всем, отличный день, каких мало.

Спать завалились часов в десять вечера и за всю ночь лишь четыре раза кочегарили костёр. Спалось великолепно под действием спиртного, оттого и утром проспали, лишь в шесть часов пробудились, хотя по разработанному нами с вечера плану в это время мы должны были уже отправиться в те же края, где вчера за час подстрелили пять рябчиков.

Честно сказать, водка своё дело сделала. Я чувствовал себя отвратительно, поднялся через силу, голова идёт кругом, во рту тошнота. Но надо было идти, раздумывать нечего. И мы отправились. Едва лишь мы дошли до пересечения тропы с ручьём Дресвовым, как вспугнули двух рябчиков. Один из них сидит рядом. Медленно, осторожно передвигаясь, я

выхожу на открытое место с тем, чтобы птица увидела меня, и довольно быстро добиваюсь своего. Рябчик сидит на ветке полусухой ели и суетится, раздумывая улететь или остаться на ветке. Я осторожно поднимаю ружьё, прицеливаюсь и стреляю. Рябчик валится в траву даже не трепыхаясь. Чёрный Коршун решает поискать второго рябчика. Однако напрасно он потратил время, по-видимому от выстрела, рябчик улетел в безопасное место.

Перейдя ручей, мы свернули с тропы и отправились по распадку. День стоял великолепный, яркое солнце золотой тарелкой так и сияло в небе, подсказывая нам путь. Вокруг щебетали птицы, и я ощущал такое блаженство, как словно попал в самый близкий, самый родной мне уголок земли. Как жаль, что рядом нет Аннушки, моей Аннушки. Она наверняка была-бы в восторге от вчерашнего, да и сегодняшнего дней.

Но отставить сладостные размышления, я в тайге и со мной мой младший брат, необходимо быть всё время начеку. Должен сказать, что я всё время морально настраивал себя на встречу с медведем. Я всегда считал и считаю, что это хоть и не желательно, но всегда возможно, поэтому особенно здесь, за тридцать пять километров от города, в глухой тайге, нужно быть каждую минуту готовым к этому. Я внимательно обшариваю глазами всё вокруг, стараясь держаться на открытых местах и держа ружьё в постоянной готовности. Осторожно, постепенно подготавливаю и Чёрного Коршуна

к этой встрече. Главное, чтобы это не было неожиданностью, всё-таки моральная подготовка – великое дело, и я в неё верю.

Довольно долго мы не встречали рябчиков, часто оставались, прислушивались и в один прекрасный момент слышали пение рябчиков. Пересвистываться с ними я не имел возможности: потерялся мой манок, и мы решили просто-напросто пойти на свист. Сказано, сделано, пошли и нашли. Один рябчик сорвался с дерева почти над нами и улетел, другой же сел на ветку неподалёку. Не сходя с места, я поднимаю ружьё, прицеливаюсь и стреляю. Но рябчик не упал, я чётко видел, как он улетел. Подходим к тому месту, где он сидел – на ветке куча перьев. Ух ты, чёртов воробей, ведь сдохнет где-нибудь всё равно.

– Пойдём туда. – предлагаю я Чёрному Коршуну, указывая рукой в ту сторону, куда улетел подранок.

– Да пойдём лучше вправо, туда рябчик улетел. – тащит меня брат в сторону. Я колеблюсь, куда же идти? Послушать Чёрного Коршуна? Но нет, ноги сами тащат меня вперёд, к подранку. И мы идём моим маршрутом. Чёрный Коршун не понимает:

– Пойдём вправо, пойдём. – уговаривает он.

– Давай пройдем ещё немного. – не отступаю и я.

И мы снова идём и вдруг... что я вижу, в пяти метрах левее от меня лежит мой рябчик. Да, да, тот самый подранок, а я совсем уже потерял надежду найти его, во дела. Я подни-

маю птицу, она ещё тёплая, но уже не шевелится.

– И всё-таки я его подстрелил! – восклицаю я. Да, это девятый наш трофей и мой седьмой, такого у меня не было.

Мы смотрим на часы, время ещё есть. Мы идём в глубь распадка, где-то здесь вчера мы нашли бутылку водки, что ждёт нас сегодня. И вот снова рябчик. Ружьё у Чёрного Коршуна, он устремляется к одной из птиц, но по-видимому неосторожно. Один рябчик срывается с ветки и улетает. Второй тоже, но есть ещё третий. Чёрный Коршун выказывает себя, и рябчик верещит, ага, кажется брат его видит. Он скидывает ружьё, прицеливается, но опускает ружьё вниз, по-видимому рябчик убежал.

Охота продолжается, вот рябчик снова на мушке, но снова исчезает: он бежит по траве. С турсуком за плечами я подхожу к Чёрному Коршуну. Вдруг рябчик взлетает и садится на ветку. Я его вижу, хотя птицу почти закрывает густой березняк, но в маленький просвет я вижу его отчётливо. Спрашиваю брата, видит ли он рябчика, но Чёрному Коршуну мешают ветки берёз, плотно закрывающие путь к рябчику. Чёрный Коршун пытается обойти берёзы справа, но я заставляю его вернуться ко мне, чтобы стрелять в птицу отсюда. Братишка внимательно выискивает свою добычу, но не находит, и тогда я требую у него ружьё. Вижу, как с великим нежеланием Чёрный Коршун протягивает мне ружьё, но медлить нельзя. Я скидываю ружьё, целюсь в птицу, стреляю.

– Ну и иди, забирай. – спокойно, как будто, так и должно

быть, как будто иначе быть не может, говорю я Чёрному Коршуну, но тут же становлюсь жестоко наказанным, за свою самоуверенность, перешедшую все границы. Рябчика нет. На ветке, где он сидел, раскачиваются два пёрышка, а птицы как не бывало. Я выбираю направление, куда бы мог улететь рябчик, и устремляюсь вперёд, на поиски. Только где уж там? Излишняя самоуверенность наказуема и обязана быть строго наказана. Так оно и случилось со мной и, хотя предполагаемый трофей всего лишь рябчик, урок поучительный.

В поиске рябчика я вышел на какую-то визирку, идущую с запада на восток. «Надо будет по ней пройтись». – подумал я. Но десятый-то рябчик не состоялся, а где-то неподалёку сидит парочка, как же не сходить к ним в «гости». И мы снова идём на удачу. И вот впереди вновь зашумели потревоженные рябчики. Один из них сидит великолепно, в него можно стрелять.

– Ты видишь его? – спрашиваю я у брата.

– Нет.

– А я вижу!

Снимаю с плеча ружьё, прицеливаюсь и стреляю. Рябчик камнем валится в траву. Вот это удача! Десять штук, небывалый случай. «Фартовый ты, братишка». – думаю я о Чёрном Коршуне, бросая рябчика в турсук. Смотрим на часы, время истекает, пора возвращаться. Мы выходим на визирку, идём не запад и вскоре выходим к столбу. На нём краской написаны цифры 536 и 537. Смотрим на карту. Вот это да! Куда

мы забрались. Э, да тут неподалёку должна быть тропа, если верить карте. Мы устремляемся по визирке, ружьё у меня наготове, может быть живность какая попадётся. Слышим в стороне над лесом крик какой-то птицы, я подумал, что это кукушка. Мы нашли какую-то тропу, но она скорей всего звериная, проходим немного дальше на запад. Тропы нет, пожалуй, нам лучше вернуться, не надеясь на карту, и идти своим чутьём. Решаем вернуться к звериной тропе и идти по ней на юг. Тем временем птица, которую я принял за кукушку, с криком пролетела над нами, и мы с Чёрным Коршуном увидели лесного хищника – коршуна.

– Подстрели его. – предложил мне Чёрный Коршун.

«Вон почему тайга сразу опустела. – подумал я в свою очередь. – Попрыгались от этого зверюги».

Выждав момент, когда коршун полетит над нами, я вскинул ружьё и выстрелил в него. Птица оборвала свой крик, свернулась комком и полетела вниз, вертясь в воздухе на крыльях как юла.

Чёрный Коршун бросился к подстреленному хищнику, но с опаской отпрянул от него.

– Слушай, а он живой.

Я подошёл к птице. Последняя таращила глаза по сторонам, но было ясно, что жить ей осталось считанные минуты. На некоторое время мне даже стало жаль хищника, но это продолжалось недолго. Чёрный Коршун связал нашей последней жертве крылья и нёс её до самого шалаша. Там её

и оставили.

Итак, наша первая настоящая охота с Чёрным Коршуном закончилась. Мы принесли домой восемь рябчиков. Я зажёг в моём братишке страсть охотника, поэтому срочно нужно искать ещё одно ружьё для него и почаще водить его в тайгу. Это, пожалуй, главное, только где взять время? Извечная проблема! Эх, если бы сейчас в отпуск уйти!

13-21 Сентябрь 1977г.

Наверное, так может случиться только у меня. Трах-бах, безо всякой подготовки, как снег на голову принимаю решение взять отпуск, советуюсь с женой и пишу заявление в пятницу 9-го числа, а с 12-го я уже отпускник. Месяц у меня в кармане, решаю, как быть. Нужно подготовиться к сессии, написать и отправить в Иркутск в институт контрольные, ведь я студент 2-го курса. Но прежде нужна моральная подготовка, нужно просвежить мозги, а посему я ухожу в сколь возможно длительное путешествие в тайгу, естественно не один. Мой компаньон знаком с читателем по «Охотничьему журналу». Это Минаев Александр. У него есть ружьё, одностволка 28-го калибра, желание и, конечно же, время. И вот мы сушим сухари, набиваем до отказа рюкзаки всем необходимым, заряжаем патроны, расходуя почти все запасы дрови за исключением самой крупной. Рассчитываем на девять дней похода. Наш план грандиозен. За первые два дня

мы должны будем добраться до верховьев Тушамы, расстояние примерно 80 километров, пять дней посвятить охоте и за два дня вернуться домой. Маршрут наш пролегал по той же тропе, по которой мы ходили в прошлый раз с Чёрным Коршуном.

Итак, сборы закончены, вперёд, путешественники, вперёд!

Из дома вышли 13-го числа в 6 часов утра. Погода обещала быть превосходной, сухой и солнечной. Рюкзаки с самого начала придавили нас своей тяжестью. Уже у рачья мне пришлось облегчать свою ношу. Я выкинул пачку соли, однако от этого рюкзак нисколько не полегчал. За развилкой мы вспугнули рябчиков, гонялись за ними, но потерпели неудачу, то же самое нас постигло в гари. И лишь за Дресвуньей я подстрелил первого рябчика. Почти тут же мы упустили отличнейшую возможность подстрелить капалуху, а то и сразу две: буквально в пятнадцати метрах от нас взлетели рядом друг с другом, что называется «крыло в крыло», бок о бок, две капалухи – отличная мишень, и это в пятнадцати метрах от того места, где я подстрелил рябчика, причем стрелял два раза. К этому мы совершенно не были готовы, поэтому конечно же ничего не смогли сделать. А как красиво летели!

К шалашу мы добрались в 12:30 дня. Наши силы были на исходе, а сколько нам ещё идти, одному чёрту известно.

Вскипятили чай, пообедали. От шалаша к нашим рюкзакам прибавились топор и два котелка, наши неразлучные

спутники – котелки. Пока Санька пристреливал своё ружьё, кстати сказать с этим ружьём он пошёл в тайгу впервые, не зная ни его достоинств, ни недостатков. Так вот, за это время над нами стремительно пронёсся рябчик, очевидно спасающийся от какого-нибудь хищника. И действительно, минуты через две после рябчика, прилетел ястреб и взгромоздился на дерево неподалёку от шалаша. Санька, решая проверить ружьё, не сходя с места стреляет в ястреба. Последний подаёт на траву, но прежде чем отдать концы бежит вприпрыжку прочь от нас. Вот и Санькин первый трофей.

После обеда рюкзаки ничуть не полегчали, мы взгромождаем их за плечи и в 14:30 отправляемся дальше. Сразу же за Невонкой мы встречаем двух охотников. Они возвращаются домой. У одного из них двустволка и подстреленный глухарь. Ну что-ж, у нас ещё всё впереди, будем надеяться на удачу. До пересечения тропы с Дресвовым, мы идём пятьдесят пять минут, этот участок мне знаком, дальше – сплошная неизвестность. За ручьём от нас убегает заяц. Где там стрелять в него, сквозь густые заросли кустарника и мелко-лесья его видно лишь за семь-восемь метров, пойдёшь, догони косога. И ведь кинулся я было за ним, да где уж там. Идём дальше. Тропа как будто бы ничего, но вот мы спускаемся в распадок и тут, прямо по тропе, идёт след не то трактора, не то вездехода. Тропа ужасно изуродована, идти по ней одно мучение, к тому же рюкзаки, как же они надоели нам. Я про себя замечаю, что мы идём всё время на запад с отклонени-

ем на 10-15 градусов на юг. Судя по карте, тропа на этом участке должна идти на север, но ведь здесь, наверное, всего одна тропа. По пути нам стали попадаться рябчики, Санька одного подстрелил, потом я промахиваюсь. При виде рябчиков усталость слетает с нас, и следующий рябчик уже мой. А вот и вновь отличился Санька.

Время близится к вечеру, пол седьмого. Решаем начать поиски ночлега, а пока есть время, идём дальше. В мыслях я начинаю волноваться: добрых два часа мы идём по заболоченному месту, ночевать в таких условиях – дрянь дело – сыро. Хорошо бы зимовье найти. К наступлению вечера выносим окончательное решение: идём ещё пол часа и потом устраиваемся на ночлег. Тропа по-прежнему изуродована трактором, идти тяжело. Вот мы подходим к какому-то разветвлению тропы и... бог ты мой, что я вижу, это же зимовье! Ура! Мы спасены, нам крупно повезло! Время 18:00. Сомнений нет, ночуем здесь. Сбрасываем с плеч тяжёлую ношу, плечи гудят как провода. Стоп, охотники, не расхолаживайтесь, у вас есть тьма работы. Санька осматривает зимовье, приятно радуют одна находка за другой: порох, капсуля, дробь пятый номер. Кое-что тут можно и позаимствовать, ведь наши запасы патронов скудны.

Берём котелки, идём за водой. Дальше наша тропа троится: одна идёт на юг, другая на север и третья, почти незаметная, идёт на запад. На месте разветвления полянка, поросшая высокой травой и останки сгоревшего зимовья. Мы

идём по западной тропе, долго ищем воду. По-видимому, ручеек здесь берёт своё начало, он почти незаметный и почему-то течёт на восток. Непонятно. С полными котелками воды возвращаемся к зимовью, готовим суп с двумя рябчиками, готовим дрова на ночь, прогреваем зимовье и ужинаем уже в десять часов вечера. Что же делать завтра? У нас рождаются две мысли: идти дальше со всем своим скарбом или же взять с собой продуктов на один раз и пройти дальше по тропе налегке, чтобы узнать, что там творится, имеет ли смысл идти ещё дальше, ведь ночи как-никак морозные. Ложимся спать. Утро вечера мудренее!

Утром следующего дня, позавтракав, отправляемся по южной тропе. Идём налегке, осмотреть тропу, это решение нам всё же пришлось по душе. Дошли до ручья по неплохой тропе, за ручьём вспугнули рябчиков, погонялись, но без толку, вернулись на тропу, однако скоро потеряли её, прошли немного по едва заметным затёсам и вернулись назад. У нас оставалась северная тропа. Делать нечего, пошли по ней. Надо сказать, что по пути нам попадалось не мало рябчиков, только мне почему-то не везло на них, как, впрочем, не везло и вчера. Один раз я стрелял, но не попал. Саньке удалось подстрелить одного петушка.

Мы шли по тропе на северо-запад в неизвестность, по-прежнему тропа смята трактором, мы от души ругали тракториста, испортившего её, однако скоро тракторный след стал нашим путеводителем. Лес был однообразным, место

заболоченное, равнинное, почти никаких ориентиров. Мы пересекли визирку, идущую с севера на юг, затем вышли в сухой березняк. По-видимому, давным-давно здесь был пожар, а может быть такой лес стоит здесь испокон веков. Он мне определённо не нравился, этот мёртвый лес. Сюда забирался лишь вездесущий сохатый. В один из перекуров мы набрали чачи, чтобы чередовать её с чаем. Дальше тропа начала теряться, однако мы отыскивали её по затёсам и опять-таки по тракторному следу, который, однако, вскоре ушёл в сторону. В одиннадцать часов дня мы дошли до квартального столба, стоящего вблизи от тропы. На столбе написаны цифры 21 и 22. Сбрасываем рюкзаки, устраиваемся на перекур, разворачиваем карту и вдруг обнаруживаем странную вещь: мы находимся в трёх-четырёх километрах южнее от тропы, по которой должны были идти, и что тропа, по которой мы идём с неизвестных времён, совсем не обозначена на карте. Мы встали в тупик, что делать дальше, идти на запад по тропе? Имеет ли смысл это решение? Пройти по визирке? Как хорошо, что мы не взяли с собой сразу все свои вещи и продукты. Этим мы выгадали. Намечаем план дальнейших действий: пройти на север километра полтора по визирке, рассчитывая время на возвращение к зимовью, осмотреть обстановку и вернуться на тропу.

Тут нам пришлось с великим трудом преодолеть каждые десять метров расстояния. Лес по-прежнему стоял сухой, мёртвый, и чем дальше мы шли, тем идти становилось труд-

нее и труднее. Скоро лес совсем поредел. Лишь несколько полу сухих полу гнилых деревьев стояли на огромной поляне, а на земле в беспорядке лежали полу сгнившие валёжины. Такая картина навивала на меня отвратительное настроение, плюс к тому, мы отчётливей начинали понимать, что сбились с нужной тропы. Скоро мы дошли до квартального столба 30/31. На этот визир мы выходили в прошлый раз с Чёрным Коршуном в десяти километрах восточнее, на столб 35/36. Ну что-ж, всё ясно, пора возвращаться в зимовье. Одно не понятно: как, когда и где мы сбились с тропы? Ничего не поделаешь, надо возвращаться к зимовью. Тут-то мы и потеряли визирку. Вначале не придали этому никакого значения, затем начали искать затёски, ведь потеряв визир, мы рисковали пройти, оставив незамеченной, едва приметную тропу, не рассчитать свои силы, а там уже...

Один раз Санька нашёл затёску, но скоро мы снова потеряли её, начали петлять, отыскивая визир, но, когда поняли, что ушли от визирки невесть куда, мы немного растерялись. Куда идти, а вдруг уже прошли тропу? Что тогда, возвращаться? Мы ещё больше начинаем петлять, мысли сменяют одна другую, я уже начинаю подумывать о том, сколько у нас с собой продуктов. А кругом лес такой однообразный, такой чужой, неприветливый, злой, никаких знакомых черт. Наконец я заставляю себя успокоиться, образумиться, выбираю по компасу направление на юго-восток, и мы направляемся прямо, не допуская никаких отклонений, отыскиваем

глазами хоть маленькую затёску. И всё-таки находим. Да, да, это тропа, мы идём по ней влево, но почему-то тропинка делает петлю и направляется уже на запад. Мы поворачиваем назад, проходим несколько сот метров, но тропа снова поворачивает на запад и начинает теряться. Несколько раз мы теряли затёсы, и тогда Санька оставался у последней затёски, чтобы не потерять и её, а я отправлялся искать следующую. Наконец мы взяли себя в руки, сели перекурить, собрались с мыслями, обдумали всё как следует, приняли решение идти в первоначальном направлении и отправились в путь. В нас закралось сомнение, та ли тропа, ведь ни одного знакомого места, однако мы шли и шли. Какая же была радость увидеть наконец знакомые черты. Да, да, тропа именно та, которая нам так необходима. Идти стало веселей, а вот и тракторный след, наш путеводитель, теперь уже мы были рады ему. По пути я подманил и подстрелил рябчика, затем подманил ещё одного, причём последний пролетел мимо меня в трёх-четырёх метрах и взгромоздился на дерево, буквально в пяти метрах от сидящего на валежнике Саньке, и тот, недолго думая, с разворота выпалил в рябчика да так, что осталось лишь ощипать пух с выпотрошенной птицы.

– Сам щипать будешь. – кричу я своему спутнику. – Что ты с ним сделал-то?

Санька был доволен.

– Не удержался при виде такой близкой цели. – радостной улыбкой признаётся он.

Неподалёку от зимовья я с двух выстрелов снимаю с дерева ещё одного рябчика.

Вконец измученные, голодные, мы добираемся до зимовья, готовим суп из двух рябчиков, хотели было съесть белку, подстреленную Санькой по дороге к зимовью, но решили оставить на завтра.

После сытного ужина я описываю в своём дневнике прошедшие два дня, строим планы на завтра и ложимся спать.

15 сентября.

Проснувшись, делаю запись в дневнике: «Поспали всю ночь, поднялись в 6:20».

Да, спалось великолепно, почти не замёрзли. По намеченному плану мы должны будем сегодня вернуться налегке к Дресвовому и поискать в том районе северную тропу. Где же она есть? Этот вопрос не вылетал у меня из головы. Завтракаем и в 8:20 выходим из зимовья. Утро стоит морозное, кругом иней, а день снова обещает быть солнечным.

Через двадцать пять минут ходьбы мы вспугнул выводок рябчиков. Санька ушёл вправо, а я прошёл чуть вперёд, вспугнул одного рябчика и, не сходя с места, с двух выстрелов снял его с дерева, а затем нашёл свою вторую жертву. Санька стрелял один раз, но не попал. Бросаем подстреленных птиц в рюкзак и идём дальше. В десять часов обнаруживаем, что подстреленная мною курочка жива. Это вызывает

у меня интерес, а что, если удастся принести её домой живую. Я заливаю ранку йодом, что из этого получится? Скоро я подстрелил ещё одного рябчика. Живую птицу постоянно усаживаю так, чтобы ей было свободней в рюкзаке.

Пол одиннадцатого пришли к Дресвовому, перешли на правый берег и поднялись в бор. Тут нам пришлось погоняться за подраненным рябчиком. Прячась за сосёнку, я великолепно подкрался к бедной птице, стрельнул и не попал, лишь слегка подранил. Как не гонялись мы за подранком, перехитрил-таки нас рябчик, так и не поймали мы его. Но зато совершенно случайно наткнулись на геодезическую вышку. Ну как не влезть на неё, ведь оттуда всё должно быть великолепно видно. И действительно, какая красота открылась перед нашим взором. Бескрайний ковёр тайги, украшенный уже пожелтевшими лиственницами, да берёзами, да осинами. Пение птиц, пересвист рябчиков, стук дятлов, всё это приковало мой слух, зрение к своей красоте. Сто раз я уже пожалел о том, что снова нет со мной фотоаппарата. Яркое солнце заливает тайгу своими ослепительными лучами и делает её ещё краше, ещё богаче и разнообразней. Я вклиниваюсь в пересвист рябчиков, подражая им и не для того, чтобы самому в какой-то мере быть участником птичьего хора. Хорошо всё-таки в тайге! Далеко на востоке виднеется верхушка телевышки. Там Усть-Илимск, там дом, там моя Анюта, как жаль, что её нет со мной. Я внимательно осматриваю тайгу, простирающуюся до самого горизонта. Ага, становит-

ся понятным, где находится зимовье, в котором мы ночевали. Оно расположилось в верховьях Дресвового, как раз там, где ручей берёт своё начало. Я запоминаю все распадки, ручьи, чтобы свободней чувствовать себя внизу, и мы покидаем вышку, время не ждёт. Прошли немного бегом на север, вспугнули выводок рябчиков. Тут мы открыли целую канонаду: два раза стрелял Санька и четыре раза я, но лишь двух птиц дополнили мы к своим трофеям. Саньке сегодня определённо не везёт. Ни одного рябчика не подстрелил, в чём дело, сами не поймём. Вчера не везло мне, сегодня моему спутнику. В довершение ко всему едва не потеряли мой рюкзак, кое-как нашли.

Обедали на Дресвовом, затем перешли на левый берег ручья, поднялись по его притоку вверх, потом повернули на юго-запад, ближе к тропе, вспугнули капелуху, только слишком уж далеко она была. Напрямую по тому распадку, где в прошлый раз охотились с Чёрным Коршуном, пробирались к тропе. По пути я грохнул ещё одного рябчика, пересекли знакомый уже мне визир и в шестнадцать часов вышли на тропу. По дороге к зимовью я подстрелил ещё одного, седьмого за сегодняшний день, рябчика. Такого у меня ещё не было, чтобы за день насшибать сразу семь штук, удивительно. Отнюдь не удивительно, что стрелял я сегодня пятнадцать раз и всё по рябчикам. Слишком много промахов, скоро кончатся патроны, придётся стрелять крупной дробью.

Вместо чая пили чагу, и снова перед сном я записываю в

дневник основные события, развивающиеся за сегодняшний день.

16 сентября.

С утра заряжаю десяток патронов, наскоро завтракаем и снова в путь. Идём снова к Дресвовому, но, не доходя до ручья, обнаруживаем какие-то затёски. Скорей всего это охотники ставили здесь капканы на соболя, идём по затёскам, но скоро теряем их. Тогда идём напрямую, ориентируясь по солнцу. День снова солнечный, но уже не греет осеннее солнце, воздух прохладен. Вспугиваем рябчика, я стреляю в него и попадаю. Затем достаю манок и принимаюсь свистеть, настойчиво, звонко. Мне откликаются сразу несколько рябчиков, один из них перелетает и вскоре, совершенно неожиданно, выбегает из-за холмика и ковыляет ко мне. Увидев нас с Санькой, останавливается и недоумённо смотрит на нас. Я разворачиваюсь, поднимаю ружьё, направляю ствол на рябчика и стреляю. Выстрел был верным, петушок попал ко мне в рюкзак и стал моим тринадцатым трофеем.

Я принялся было снова свистеть, но рябчики уже не откликались мне, тогда мы пошли дальше, вышли на какой-то визир, прошли по нему на север и вдруг... выходим на великолепную тропу. Она идёт на северо-запад, да, да, сомнений нет, это та самая тропа, поздно, но всё-таки мы её нашли. Проходим по визирке до квартального столба 33/34, усажи-

ваемся перекурить, достаём карту, уточняем своё местонахождение и моментально строим план на завтра. Возвращаемся по тропе в зимовье и завтра отправимся дальше на Немтугу. Хотя бы до Немтуги дойди, пока ещё есть время. На развилке троп стоит затёсанная лесина, на ней старая подпись: «Сворот на п №24», и что-то неразборчивое дальше. Вчера мы видели эту надпись, но кто мог подумать – налево тропа идёт отличная, на право же, едва заметная. Теперь стало понятно, почему мы ушли не туда, куда хотели, да тут любой незнающий этих мест ушёл бы налево.

Времени у нас много, мы идём к зимовью, по пути я подстреливаю трёх рябчиков, а Санька... маленького совёнка, чуть больше воробья. Как он умудрился увидеть такую кроху и к тому же спутать его с рябчиком. Уму не постижимо. Ему снова сегодня не повезло, снова возвращается в зимовье с пустыми руками.

До семи часов вечера мы возимся с рябчиками. Я ощипываю, Санька потрошит. Затем я палю их на костре, солю и складываю в полиэтиленовый мешок. Вех рябчиков, одиннадцать штук. Такого количества рябчиков я ещё не видел. Вес глухаря.

Настроение превосходное, ложимся спать, а мысли уже на Немтуге. Я полон уверенности, что на этот раз мы туда дойдём.

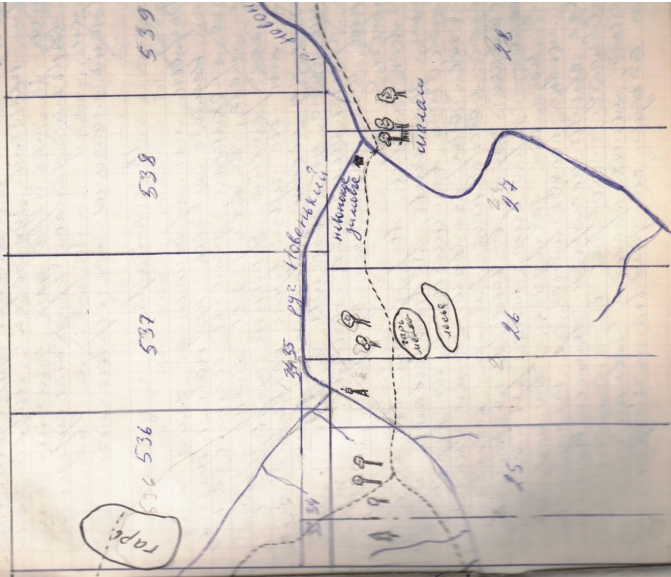
17 сентября.

Проснулись без десяти шесть, но пока готовились к переходу, укладывая в рюкзаки все свои пожитки, пока завтракали, прошло два часа. Лишь в 8:05 вышли из зимовья.

В десять часов вышли на тропу, как и условились, спрятали часть продуктов под корягой и, почти с пустыми рюкзаками, отправились дальше. Однако едва мы пересекли визир, как тропа наша снова стала еле приметной.

сначала учредил Муниципальное Управление
для общ. работ.

и Невской. Если же по плану

Нет, по ней если даже и ходят, то только раз десять в году. Возвращаемся на визир. Вдруг меня озаряет мысль пойти по визиру на запад до самой Немтуги. Однако мы вовремя вспомнили то самое место, где мы на второй день нашего путешествия плутанули. Нет, туда лучше не ходить. Мы снова возвращаемся на тропу, угадывая её по затёскам, движемся дальше. Только это скорей звериная тропа, человек по-видимому давно уже забросил её. Всё-таки мы вновь убеждаемся, что это не та тропа, что так нужна нам. Скоро мы теряем её совсем. Дальше Санька отказывается идти. Да и мне признаться эти поиски уже изрядно надоели, к тому же совершенно безрезультатные. Тогда я уговариваю своего спутника на последнюю попытку. Мы возвращаемся на визир, идём по нему на запад до столба 535/536, поворачиваем на север и, тем самым делая петлю, выходим к верховью ручья, впадающего в Дресвовый по левому берегу и возле него, располагаемся обедать. К этому времени у нас в рюкзаке было уже пять рябчиков. Трёх подстрелил я, двух Санька.

Завершая последнюю попытку найти тропу, я оставляю своего спутника готовить обед, а сам иду на север. Довольно скоро передо мной открывается мрачная картина: я попадаю в гарь. Для меня это зрелище открывается второй раз в жизни. Чёрные, безмолвные головёшки, вызывающие щемящую тоску, зловеще торчат из пепла, в который превратилась земля. Никаких следов былого великолепия. И как же далеко простирается эта картина. Нет, нечего мне там де-

лать, не стоит нам идти туда, где похозяйничал огонь. Мы начисто отказываемся от тропы, от Немтуги. После обеда с сегодняшнего дня и до выхода из тайги посвящаем охоте всё своё время. Таково наше окончательное решение.

Теперь нам спешить некуда, мы медленно спускаемся вниз по ручью, направляясь в невонское зимовье, в надежде что там мы будем одни. Вот так не спеша, часто останавливаясь, посвистывая в манок, мы подстрелили ещё пять рябчиков: четыре –я, одного – Санька. Снова у меня сегодня семь трофеев, да и Саньке кажется повезло. Сегодняшним днём мы остаёмся довольны.

И снова темнота не даёт разделать рябчиков, четыре штуки остаются на завтра. Ничего не поделаешь, свечи кончаются.

В зимовье действительно никого нет, кроме того мы находим кое-что из продуктов, чувствуется недавнее пребывание здесь человека, даже конфеты на столе лежат. Ужинаем с великим аппетитом, только вот опять беда: запас сухарей быстро тает. Хлеб сумели растянуть почти на четыре дня, зато на сухари налетели, будто они мёдом намазаны, за полтора дня уничтожили весь Санькин запас, придётся урезать рацион.

Спать ложимся пол первого ночи.

18 сентября.

Впервые мы проспали до семи часов утра. Неплохо спалось на новом месте, только прохладно. Зимовье большое, а печурка мала, к тому же стены у зимовья как решето, особенно у двери. С утра мы оба чувствуем какое-то недомогание, у обоих распухли дёсны от интенсивного уничтожения сухарей. Теперь грызть больно, а хочется чего-то хлебного. За завтраком сухари уже размачиваем.

Со всех сторон вокруг зимовья свистят рябчики, заманчиво. Я высовываюсь из избушки, чтобы вклиниться в их хор и тут же обнаруживаю самого наглого и самого любопытного рябчика, который выискивает что-то в консервных банках. При виде меня рябчик улетает подальше за ручеёк. Думаю, что здесь можно поохотиться, к тому же Санька сегодня настроен воинственно.

Свисти. – говорит он. – Должны же прилететь, может грохнем кого-нибудь.

Мы отходим от зимовья, и я принимаюсь свистеть в манок. Мой спутник внимательно осматривает обстановку. Какой-то один рябчик откликается совсем рядом, но мы не решаемся идти к нему, он сам должен прилететь.

Чу! Санька настораживается, поднимает ружьё, целится, наверное, видит, раз целится. Раздается выстрел. Мой спутник торжествует. Сегодня ему представилась возможность открыть счёт.

Однако я замечаю, что день сегодня необычный, мы стали какими-то рассеянными, забывчивыми, вышли из зимо-

вья не сразу, прошли по бору, но ничего не видели. Тогда вышли на тропу, прошли немного по ней. Нам стало жарко. Оставили на валёжине свои телогрейки и пошли дальше.

С рябчиками нам тоже не везёт, одного гоняли впустую, потом мне представилась возможность стрелять, но я промахнулся. Чуть дальше я довольно удачно подманил рябчика, но он сидел далекоовато, а Санька, не смотря на мои советы подпустить его поближе, не стал дожидаться, шарахнул по нему и упустил. И вообще, должен сказать, что рябчиков сегодня было маловато. Чуть дальше мне удалось подманить ещё одного пернатого, но чёртов рябчик плюхнулся в шести метрах от меня с восточной стороны. Он меня видит, а я его нет, к тому же солнце слепит глаза. Что делать, а он сидит проклятый в траве. Тогда я принимаю решение вспугнуть его. Осторожно поворачиваюсь всем корпусом в его сторону, делаю шаг, другой, и мой рябчик взлетает, тут же неподалёку садится на ветку, но я снова не вижу его, снова солнце мешает мне. Тогда я осторожно передвигаюсь в сторону так, чтобы стволом дерева прикрыться от солнца и тут обнаруживаю цель. Рябчик великолепно сидит на ветке. Ничего сложного не представляю снять его с дерева выстрелом.

Идём дальше, день сегодня опять солнечный, везёт нам с погодой. Однако я не решаюсь сказать это вслух, боюсь «накаркать». Немного погодя мы выходим к интересному месту. Слева болотце, справа постепенно тайга становится выше и переходит в бор, и в одном направлении идёт сохатиная тро-

па, а возле лужицы будто стадо коров прошло, взбило копытами землю, превратив её в грязное месиво. Ай да сохатые, ай да зверюги, всё истоптали, по-видимому у них здесь водопой. А место запоминающееся.

Пол двенадцатого соблазняемся уничтожить филе цыплёнка, болгарские консервы, найденные нами вчера в зимовье, а пока ели цыплёнка, пришла мысль заодно и пообедать. Я бегу за водой, Санька готовит дрова, варим суп из концентрата, кипятим чай и приступаем к трапезе – самому приятному занятию в тайге. Несмотря на то, что с утра светит солнце, согреть нас оно смогло лишь сейчас. Да, уже осень, уже прошло лето. Хорошо поразмышлять, сидя на лесной полянке, пригретый солнцем и с сытым желудком, помечтать о том, о сём. Даже и уходить никуда не хочется. Некоторое время мы лежали на траве, предоставляя возможность завязаться послеобеденному жирку, затем укладываем рюкзаки, набрасываем их на плечи и в путь. Шли снова вдоль ручья, но, когда наш путь пересекла какая-то визирка, повернули на север и довольно скоро вышли на тропу, идущую к старому зимовью, в котором мы провели первых пять дней. Времени было не так уж и много, близился вечер, поэтому мы не стали углубляться в тайгу. Прошли по тайге к месту, где вчера спрятали наши вещи, перенесли их ближе к Дресвовому ручью, оставили неподалёку от тропы и, с одним пустым рюкзаком для мяса, отправились в распадок на охоту.

Из дома я взял с собой заячьи петли, а вспомнил про них

только сейчас. Решил поставить для пробы, авось улыбнётся фортуна.

– Иди сюда, тропа есть. – Санька нашёл заячью тропу и зовёт меня, мол-де ставь. – А за то, что тропу нашёл тебе, ты мне рябчика подмани.

Я достаю из рюкзака петли, выбираю одну получше, настораживаю её и, тем временем, свищу в манок. И действительно подозвал. Вижу, как рябчик сидит на молодой берёзке, и продолжаю настораживать петлю, подстрелить рябчика Санькино дело. Он тоже видит птицу, прикладывает ложе ружья к плечу, целится и стреляет. Я не вижу, падает рябчик или нет, во всяком случае мой спутник утверждает, что он где-то здесь. Мы довольно тщательно ищем рябчика, только прежде я настораживаю ещё одну петлю на соседней тропе, замечаю деревца, под которыми они стоят.

Наши поиски ни к чему не привели. Рябчик исчез. Саньке не верится он не хочет уходить с этого места, долго внимательно обшаривает каждую пядь земли, но в конце концов убеждается, что вновь упустил добычу, мы идём дальше. И здесь мы за час подстреливаем пять рябчиков, четыре я, одного Санька. Около четырёх вечера пересекли Дресвовый ручей и по его правому берегу пошли к тропе, прочёсывая распадок. На тропе вспугнули одного рябчика. Скрадывать вызвался Санька, должна же и к нему прийти удача. Он осторожно передвигается, приближаясь к птице, но я первым заметил рябчика. Следя за Санькой, я прошёл немного вправо.

Здесь, длинным коридором, просматривалась тайга, и вот, как раз в конце этого коридора, на ёлке сидел рябчик. От меня он был далековато, хотя можно было стрелять, но я решил направить на него своего спутника. Стоя как вкопанный и глядя то на рябчика, то на Саньку, я давал указания, как идти, куда и где искать. Почему-то я был уверен, что рябчик никуда не уйдёт. Говорил я спокойным, ровным голосом, и действительно, своего я добился: Санька увидел птицу и довольно удачно подстрелил её – свой третий трофей за сегодняшний день.

Но пора идти к зимовью, рябчиков нужно ещё и разделать. Сегодня, как и вчера, нам снова не хватило времени. Снова стемнело, и половина рябчиков осталась неразделанными.

Снова суп, чай, сухари делим на три оставшихся дня, и каждый дневной рацион делим в свою очередь ещё на три части – завтрак, обед и ужин. Так будет надёжней, всё-таки сухарей мало. В одиннадцать вечера ложимся спать.

19 сентября.

С утра то же самое: снова подъём в 6:00 утра, завтрак, полупустые рюкзаки с одноразовым запасом продуктов и снова в путь в тот же самый распадок, где охотились с Чёрным Коршуном, где стоят наши петли на зайцев, где тьма рябчиков. На большее мы уже не рассчитываем, во всяком случае, о дичи покрупней у нас уже пропали думки. Мы идём по

тропе, минуя уже знакомые места. Вот и мелколесье показалось, перед ним на дереве большая затёска и надпись: «Обход гари 1959».

Конечно удивительно, что с таких времён сохранилась эта надпись, открывающая нам минувшие события, которые разворачивались здесь почти двадцать лет назад. Уже поиному мы смотрим на то же мелколесье, на тропу, на затёски. Эх, если бы перенестись на двадцать лет назад, да в эти же края, посмотреть, что было здесь раньше, задолго до прихода строительства на Толстом Мысе, в пять километрах от Невона. Я мечтательно задумываюсь о том, как, наверно, привольно здесь было бурундукам-охотникам. У них не было проблемы в мясе, поэтому они не гонялись, как сейчас мы, за рябчиками, подсчитывая каждый трофей...

Неожиданно мои мысли прерывает шум у края мелколесья. В десяти метрах от нас взлетает капелуха, медленно поднимается в воздух. Я сдёргиваю с плеча ружьё, передёргиваю затвор. В спешке у меня ничего не получается, ствол открывается, я снова закрываю его, нащупываю предохранитель, давлю на кнопку. В это время у моего правого уха раздаётся Санькин выстрел, даже воздух возле уха нагрелся, а капелуха уже далеко, летит себе, да смеётся над нами, горе-охотниками. Нет, не получится с меня охотника, единственное, что не отнять – рябчиков стреляю хладнокровно. В общем, Лесной Ястреб – рябчатник, но не больше. Эта горестная мысль в который раз уже приходит мне в голову, и с каждым разом

я всё больше убеждаюсь в этом, обидно, но факт.

Входим в распадок, день снова солнечный, но утро морозное. Долго не встречаем рябчиков, я часто свищу в манок, жду, когда же зашумят крылья летящей птицы, однако вокруг тишина.

Рябчики иногда откликаются, но на манок не летят. Санька идёт слева. У меня мёрзнут руки и ноги. Я в который раз уже принимаюсь свистеть, прислушиваюсь и вдруг слышу какие-то странные звуки: шух-шух-шух, как будто кто-то шелестит опавшими листьями. Не сразу мне приходит отгадка, лишь когда звуки стали быстро приближаться, я наконец понял. Ах ты, бедненький, ты даже бегом бежишь ко мне, ну конечно же. Это рябчик бежит ко мне со всех ног, подманил всё-таки. Я замираю на месте, прятаться уже поздно, рябчик близко, но вот он остановился и притих. Ах ты беда, он меня видит, но как увидеть его, вот проблема, снова солнце и густой березняк мешает мне. Я постоял, подождал, затем решил вспугнуть его. Прошёл немного, рябчик взлетел на нижнюю ветку, но я и тут не вижу его, тогда я пошёл дальше. И тут случилось вот что: в последний момент я увидел-таки рябчика, но он спрыгнул с ветки и побежал прочь. Я за ним, стараюсь идти осторожно, несколько раз едва не брал его на мушку, но всякий раз беглец уходил от меня. Долго я ходил за ним и наконец не выдержал, выстрелил почти наугад. Рябчик взлетел, но тут же как будто бы упал. Я кинулся к нему, но его нет. Как же так? Я принялся искать

пропажу, да только всё бес толку, исчез мой беглец.

Ну что-х, пошли дальше. А вот и ещё один рябчик. Сначала взлетел, потом, как и первый, прыгнул с ветки и бегом от меня. Тут уж я не устоял. Уже не боясь испугнуть его, я что есть духу мчусь за ним, стараясь не выпускать его из виду, с трудом продираясь сквозь густые заросли мелкого березняка и ели. Погоня начисто завлекла меня, рябчик не улетает, бегаёт, а я за ним. Наконец на беглеца видно подействовала моя настойчивость. Он остановился и с любопытством уставился на меня как бы спрашивая: «что такое, в чём дело?» Ту уж я не растерялся, вскидываю ружьё и стреляю в рябчика. Есть один, пока ещё тёплый. Я беру его в руки, чтобы согреться, запускаю пальцы в пух, испытывая величайшее блаженство от теплоты, разливающейся по пальцам рук. Такая охота начала завлекать меня. Я чувствовал прилив возбуждения и охотничьей страсти. В дальнейшем я уже высматривал птицу в траве. Мы с Санькой шли то на север, то на запад, не спеша прочёсывая лес, как зачастую делали с Чёрным Медведем. И вот я снова увидел рябчика. Он, как и первые два, бежал по траве прочь от нас, но вышло так, что он оказался между нами. Мне нельзя было стрелять в него, а Санька не видел птицу. Я выждал, когда рябчик забежит вперёд нас, и пальнул по нему. Выстрел не имел успеха. Трудно взять его на мушку, когда он то скрывается в густых зарослях мелкого ельника, то прятался за ствол лиственницы, или валёжины. После выстрела рябчик, однако не улетел, но продолжал

убегать от нас. Я перезаряжаю ружьё, снова отыскиваю глазами птицу и снова стреляю. Да что такое, опять не попал. Тогда я со всех ног мчусь за рябчиком, и это возымело действие: последний взлетает на валёжину и устремляет на меня вопрошающий взгляд. Тут уж я добиваюсь успеха. Есть ещё один рябчик.

Да, с такой охотой я сталкиваюсь впервые, чтобы носить-ся, что есть духа, за рябчиком, соревнуясь, кто быстрее бегает – странное дело.

Но к обеду солнце согрело воздух, траву, деревья, и рябчики перестали бегать по траве. Они снова взлетали, испуганные двумя охотниками, и усаживались повыше на ветку, ближе к солнцу, считая по-видимому своим птичьим умом, что чем выше, тем безопасней. Иные из них, на своё счастье и на неудачу охотников, улетали подальше от людей, иные неизменно попадали в рюкзаки. Одних преследовало стремление к жизни, других – охотничий азарт. В этот день мы превзошли все свои ожидания.

Когда мы возвращались из распадка к тропе, опять же там, где она пересекается с ручьём Дресвовым, у нас уже было по четыре рябчика. Мы перешли ручей, испугнув при этом капалуху, сидящую высоко на лиственнице, и, так как времени у нас было предостаточно, мы расположились на пригорке передохнуть. Перематывая сбившуюся портянку, я свистел в манок. День снова стоял чудесный, тёплый, солнечный. Нам даже не хотелось уходить с этого места, так здесь было хо-

рошо, уютно, свежо, спокойно. Только какое уж там спокойствие сохранится так долго, чтобы успеть отдохнуть, когда на манок так и идут глупые птицы. Снова я подозревал рябчика. У меня за спиной он уселся на дерево, видимый, однако Санькой.

– Далеко сидит. – говорит мой спутник. – Может попробовать стрельнуть?

Но я не даю ему это сделать.

– Где сидит? – спрашиваю.

– На ёлке.

Я старательно выискиваю птицу в мелкорослом ельнике, но ничего не вижу. Несмотря на то, что я не успел обуть один сапог, иду скрадывать рябчика. Санька следует поодаль. Мы медленно передвигаемся, Санька тем временем теряет птицу из виду, однако вскоре мне улыбается счастье. Я вижу рябчика, однако не на ели, как утверждал мой спутник, а на сосне. Я прицеливаюсь и стреляю. Рябчик валится на землю. Санька признаётся, что впопыхах перепутал сосну с елью, ну что-ж, бывает. Однако рябчик тут не один. После выстрела другая птица взгромождается чуть правее на сосну, но Санькин выстрел был неточен, рябчик улетел в бор. Санька с уверенностью направляется вслед за ним и вскоре действительно добывается своего, вторым выстрелом подстреливает рябчика.

Но и на этом мы не успокоились. Пройдя чуть по тропе, мы улавливаем справа свист рябчиков. Я принимаюсь под-

манивать их, однако скоро отказываюсь от манка и иду на удачу. Здесь целый выводок, просто так уходить нельзя. Первый мой выстрел был неудачен, однако два последующих попали в цель. Итак, наш общий сегодняшний результат – двенадцать штук, и мой личный – снова семь.

Сегодня, впервые за семь дней похода, Санька признался в том, что ему изрядно надоело пребывание в тайге. Да, Санька мне не напарник. А может быть виною всему то, что мы целыми днями без отдыха мотаемся по тайге и по тропам, и без троп, а вечером вместо отдыха занимаемся разделкой рябчиков, заготовкой дров, е оставляя времени на то, чтобы разнообразить нашу пищу. Все эти дни утром мы доедаем вечерний суп, в обед наспех готовим суп из концентратов, а вечером, как правило готовим суп с ракушками и с двумя рябчиками, что естественно начинает приедаться. Но что поделаешь, рябчиков во что бы то ни стало нужно солить, чтобы не испортить мясо, а посвящать этому целый день у меня нет ни малейшего желания, во избежание потери драгоценного времени. Впрочем, наши стремления с моим спутником различны. Не желая идти домой пустым, я способен весь световой день носиться, только бы не в пустую он у меня прошёл. Санька же готов был остановиться на достигнутом, лишь бы скорей вернуться домой. С одной стороны, его можно было понять – кто к чему привык.

Сегодня вечером мы снова солили рябчиков и, как ни старались разделать всех до одного, три штуки всё-таки оста-

лись на завтрашний день. У меня кончились патроны, у Саньки тоже. Я истрелял даже крупную дробь, хотя самой крупной добычей, как, впрочем, и самой мелкой, у меня был рябчик. На завтра патронов уже нет, поэтому я заряжаю десять штук мелкой дробью, причём закончить зарядку пришлось лишь утром. Тем не менее охотиться снова можно смело.

20 сентября.

Постараюсь описать сегодняшний день вкратце.

Погода, как и во все предыдущие дни, великолепная. Солнце стало нашим постоянным спутником, указателем пути.

Итак, сегодня мы охотимся последний день, завтра – домой. Что же принесёт нам этот день? В начале мы решили пройти вниз по Дресвовому ручью до Невонки и пойти дальше уже по берегу речки. Так и сделали. И едва отошли от зимовья две сотни метров, как я увидел бегущего по траве рябчика. Опять тоже самое. Я мчусь за ним, вспугивая тем самым ещё двух, но своего настигаю довольно скоро. Выстрел, и рябчик трепещется на земле. Начало есть. Санька возвращается назад: там, где-то один из рябчиков, вспугнутый мной. Я устремляюсь вперёд – за другим. Скоро слышу выстрел сзади меня, вижу, как перелетает мой рябчик, однако моё внимание привлекает белка, которая, ничуть не об-

ращая внимания на нашу охоту, резвиться себе на берёзе, то взметнётся вверх, то стремительно мчится вниз, прыгая с ветки на ветку. На некоторое время я забываю о рябчике, об охоте и с любопытством наблюдаю за зверьком. «Ах, красавица, как тебе весело, был бы я чуть поменьше, да полегче, тоже присоединился бы к тебе, побегать с тобой, попрыгать, беззаботно повеселиться!» Однако я обрываю свои мысли и иду туда, где спрятался рябчик. Иду осторожно, внимательно, разглядывая каждое деревцо. А вот и рябчик. Он сидит на сосёнке метрах в тридцати от меня, по-видимому ничего не подозревая. Мне того и надо, я стреляю и на этот раз без промаха.

Скоро и Санька настигает меня, он тоже с трофеем. Мы идём дальше, то удаляясь от ручья, то приближаясь к нему и вот выходим к Невонке. В этом месте речушка уже довольно приличная, недаром в Саньке загорается страсть рыбака.

– Давай порыбачим. – говорит он. – У меня удочка есть, может быть на уху поймаем, надоели рябчики.

Меня рыбалка вовсе не прельщала, да и не надеялся я поймать здесь что-то. Посоветовавшись немного, мы продолжаем свой путь, только уже в обратную сторону, в свой заветный распадок, где стоят петли на зайцев, откуда мы ещё не уходили без добычи. Однако сегодня в нас вселилась какая-то вялость. Казалось бы, всё сейчас бросим, упадём на траву и будем лежать весь день. Но ноги медленно, неуверенно, лениво тащат нас всё дальше и дальше. Вчера я потерял манок

и лишился возможности подманивать рябчиков. Потерялся карандаш, и я не имел возможности сделать запись в своём походном дневнике. Санька остаётся ко всему равнодушен и это чувство постепенно передаётся мне. Я стараюсь перебороть вялость, но у меня это слабо получается, чувствуется, что мы устали. Неподалёку от распадка мы неожиданно нападаем на крупную бруснику. Ягода совершенно не тронута.

– Давай отведаем. – предлагает Санька, усаживаясь поудобней и поближе к ягоде, и я, не в силах возражать, медленно опускаюсь на колени и начинаю горстями отправлять спелую сладкую бруснику в рот.

Теперь уже мы не можем оторваться от этого занятия. Ягода просто тает во рту, однако, чем больше её ешь, тем сильнее тебя охватывает равнодушие и лень – мотый «враг таёжника». Мы прилагаем величайшее усилие, чтобы побороть это чувство, но время потеряно, пора обедать. Как назло, и суп у нас не удаётся, безвкусным так мы его и съели. Довольно долго не хотелось уходить от костра, а когда мы всё-таки накинули рюкзаки на плечи и расстались с костром, нас и тут подстерегла неудача. Мы пересекли весь распадок и не встретили ни одного рябчика.

– Улетели бедные. – решили мы.

Да, вот уж поистине невезучий день. Санька уже откровенно был недоволен похождениями. Ему всё надоело, ни к чему у него нет интереса, и это настроение понемногу передавалось мне. Однако скоро представился случай встрях-

нутья от опасного, если хотите, настроения.

Мы уже шли по бору, когда Санька испугнул парочку рябчиков. Один из них сидит отлично видимый как мной, так и Санькой, но стреляет последний. Стреляет и не попадает. Я устремляюсь вперёд, но испугиваю второго рябчика. Я считал, что он наделал немало шума при взлёте и не услышать его было нельзя, но мой спутник, огорчённый неудачей, ломится вперёд, ничего не слыша и не видя. Чтобы не упустить добычу, я поспешно вскидываю ружьё и стреляю. Рябчик падает в траву. Санька недоумевает, откуда этот. Он устремляется вперёд, за тем, в которого не попал. Мне ничего не остаётся делать, как следовать за ним. Несколько раз мы безуспешно испугиваем рябчика, да так ничего и не добились.

Своё дело этот случай сделал, моё настроение резко подпрыгнуло. Я чувствую прилив сил и бодрости, чего незаметно, однако в моём спутнике. На протяжении всего дальнейшего пути, а в этот день мы сделали довольно приличный круг, испугивали не мало рябчиков. Санька не отличался ни зоркостью, ни тонкостью слуха. Почти из-под ног то у него, то у меня взлетали то по одному, то сразу выводками рябчики, а он как оглох, ничего не слышит. Мне приходилось постоянно окликать его:

– Слышал?

– Что?

– Да как что? Рябчик взлетел!

Сегодня я Саньку не узнавал, больше он ни разу не стрель-

нул, в то время, как я произвёл ещё три беспроегрышных выстрела, впервые за всю охоту добившись такого результата: шесть выстрелов – шесть рябчиков.

Санька устал. Его ничего на свете не интересовало, скорей бы в зимовье, а завтра – домой. Да, подходит к концу наша охота. Результаты неплохие – пятьдесят семь рябчиков, из них сорок один мой, однако неутешительные. Хотелось бы «сыграть», как говорится, «покрупней». Здесь я ловлю себя на слове – всё-таки у меня глаза и руки «завидушие». Как говорят бурундуки, всё мне мало, чего-то хочется ещё. Другой бы сказал: «сорок один рябчик – это ого-го!», а я? Впрочем, в этом мне ещё предстоит убедиться самому, только не будем забегать вперёд.

Последнюю ночь нам немного не повезло, во всяком случае мне, любящему таёжную компанию в количестве два-три человека. К нам присоединились четыре человека из изыскательной партии, позднее ещё трое – отпускники, пожелавшие провести время в тайге. От изыскателей мы узнали, что Дресвовый вовсе не Дресвовый, а ручей Новенький. То, что мы видели сегодня пробитую ось лесовозной автодороги (в этом я разобрался как геодезист), это есть начало краха здешних привольных мест, так как почти во всём бассейне Тушамы и Невонки будет проводиться заготовка древесины для Усть-Илимского ЛПК. Что тропа, которую мы так искали, идёт именно по тем гарям, с которыми мы столкнулись на пятый день похода и отказались окончательно от поис-

ков. Что та тропа, по которой ушли мы в дальнее зимовье, идёт не дальше, ни больше, как по зимовьям. Что тракторный след, это дело их тракториста, прошедшего там два года назад. Больше нас ничего не интересовало.

Этой ночью спали вшестером на двух нарах.

21 сентября.

Вчера с вечера накрапывал дождь, но с утра, как будто бы небо снова чистое. Сегодня нам некуда торопиться. Нам предстоит добраться домой. Необходимо набраться сил, чтобы преодолеть эти тридцать километров, к тому же рюкзаки вряд ли будут лёгкими.

Наши случайные встречные группами покидают нас. Вначале ушли отпускники, ночевавшие у костра, затем и изыскатели направились на свою повседневную работу. Оставшись вдвоём у таёжной избушки, мы начинаем понемногу собираться в путь, укладывать рюкзаки.

Разделявая рябчиков, мы откладывали в банку их съедобные внутренности: желудки, сердца, печень. Всё это делалось для того, чтобы перед дорогой сварить суп из этих внутренностей, но сегодня мы изменили наше решение. Идти было решено без задержки, а обед устроить у Дресвуны. Так и сделали.

Когда наши рюкзаки были готовы, мы в последний раз, каждый по-разному, осмотрелись вокруг. Саньке не терпе-

лось отправиться в путь, домой, прочь из тайги. Прикидываем наши рюкзаки, и вот тут-то я начинаю понимать, что значит тридцать рябчиков. Мой рюкзак в два раза тяжелее Санькиного и ничуть не легче, а может быть и тяжелее, чем он был в начале пути. И такой груз мне предстоит нести тридцать километров. Санька посмеивается надо мной:

– Жадность губит тебя. – говорит. – Хозяйственный чересчур.

Но все его насмешки ничуть не расстраивают меня. Я взваливаю рюкзак на спину и, согнувшись колесом, выхожу на тропу.

Нет смысла описывать, как мы шли на Дресвунью, пообедали, там же встретили двух неволских охотников, отправившихся подготавливать к сезону свои зимовья.

Нет спору, не легко мне пришлось со своим рюкзаком, и частенько, с затаённой злобой, посматривал я на своего спутника, который почти не сгибался под своей ношей, шёл легко, часто обгоняя меня. По всему было видно, ему рюкзак не давит плечи. И хотя я еле передвигал ноги, едва успевающий за Санькой, понимал, что моя злоба не обоснована, даже не справедлива. Я тем не менее надеялся на его помощь, ждал и не дождался. Понимая, что винить своего спутника не имею права, я глушил в себе злобу, старался выглядеть бодрее, внушить себе, что только так и должно быть.

Неподалёку от дома мы вспугнули капалуху. Последняя пролетела метров сто и уселась на сосну. Я сбросил рюкзак,

сапоги и босиком пошёл искать удачу. Прячась за деревьями, я медленно приближался к птице, и, когда уже казалось, что удача на моей стороне, откуда ни возьмись вспорхнул рябчик. Взлетел и напугал капалуху, которая конечно же покинула уютную сосновую ветку и перебралась в более безопасное место, подальше от меня, невезучего таёжника.

Так и закончилась моя последняя охота в этом году. Двадцать девять рябчиков, общим весом восемь килограмм чистого мяса, я принёс-таки домой. В тайге мы съели шестнадцать рябчиков. Цифры внушительные, но ведь мы были в тайге девять дней. Мы не плохо поохотились, но дальше сорока пяти километров от города не ушли. Сейчас я понял, что мы неправильно поступили, потратив не мало времени на поиски тропы. Нам надо было идти на запад, и чем дальше, тем лучше. Тогда наш поход был бы гораздо интересней.

Но как говорить, после драки кулаками не машут. Дело сделано, поход завершён.

27 мая 1978г.

У меня великая радость! 23-го мая родилась дочь, Наташенька! Вот уже какой день все мои мысли с ними, моими родными, Анютой и Наташей!!!

1 февраль 1980г.

Я – преступник! Один год восемь месяцев и четыре дня я не брал в руки дневник. Разве это не преступление? Прости меня, читатель, прости хотя бы за те новости, что я тебе расскажу.

Я ходил в тайгу всю осень прошлого года, каждый выходной. Только ходил уже не как мальчишка, чтобы насладиться тяжестью ружья, рюкзака, вкусом свежего рябчика, а чтобы набрать ягоды и грибы для моей семьи. Да, я – человек се-

мейный. Моя дочь, черноглазая, русоволосая, такая малышка, такая хорошенькая, и не только потому, что она моя дочь, а потому, что это признают все. А теперь новости:

Третьего января сего года у меня родился сын! Я назвал его Иваном. Вот он лежит. Ты его не видишь, читатель, а я его вижу, моего малыша. Послезавтра ему будет месяц. Я очень-очень рад тому, что я отец двух детей!

УРА!!!

17 октябрь 2011г.

Прости, читатель, почему-то захотелось продолжить этот рассказ спустя двадцать один год. Там, в прошлом, всё наивно, по-детски, а люди меняются, тем более за столько лет. На сегодняшний день у меня уже пять внуков! Три мальчонки!! Две девчонки!!!

Итак, продолжим.

Осенью 1982 года я ушёл из геодезии, из интереснейшей профессии. Ушёл, потому что надо было как-то обеспечить жизнь семье. Денег катастрофически не хватало.

Мы уже жили в своей квартире. В данный момент мы живём в ней вдвоём с женой. Дети разбежались по своим квартирам.

Так вот, в октябре 1982 года я устроился в химлесхоз, в организацию где добывали сосновую живицу – стратегическое в то время сырьё. В основном её скупала оборонка нашей страны. Короче пошёл я зарабатывать деньги.

В том же октябре меня постигло огромное горе – погиб мой друг, Игорёха Сизых. А погиб нелепо. Из токарей он перешёл в монтажники, у него тоже была уже семья, в июне этого же 1982 года у него родился сын Дениска, надо было тоже кормить семью, а монтажники зарабатывали больше. Вечно деньги, а говорят не в них счастье. Да, правильно го-

ворят – в них одно несчастье.

За пятнадцать минут до окончания смены, в пятницу, их бригада смонтировала ферму на будущем лесодеревообрабатывающем заводе. Оставалось отцепить тросы, и Игорёха пошёл. Молодой, уверенный в себе, сильный, пошёл без страховки. Осень тогда была ужасная, снег с дождём, гололёд кругом, чего уж говорить о том, что творилось там, наверху. Он упал с двенадцати метров на утрамбованный скальник. Его увезли в больницу ещё живого. Его могли спасти, если бы не пресловутые порядки нашей страны. Была пятница, последний рабочий день недели, все врачи разошлись по домам. Он лежал без обследования до понедельника.

Он прожил неделю после трагедии...

А ведь могли его спасти, вмешайся только вовремя. Впрочем, мне сложно судить, я не врач. Меня тогда просто застигло это горе. Я до сих пор, приходя к нему на кладбище, реву безутешно и не стесняюсь никого вокруг.

Его мать, Галина Ильинична, пережила сына на семнадцать лет. Сейчас они лежат рядом. И Андрей Миронович, отец Игоря, тоже там застолбил себе место, рядом с родными. Он дожил до правнуков. Игорёшкин Денис женился, у него родился сын. Настёна, Мироныча внучка, моя любимая племянка, вышла замуж и родила дочь.

6 ноябрь 2013г.

Дал внучке прочитать дневник. Ничего она не поняла. Ей уже десять лет! Боже мой, какой же я старый! Катюня смеётся надо мной и моей писаниной, но я уверен, что позже она поймёт меня. В данный момент она ворчит на меня, назвала почему-то козьявкой. Я их всех люблю, все прошли через мои руки, и все ко мне тянутся, хоть я их иногда и ругаю.

Старый стал, вредный.

19 апрель 2015г.

И снова перерыв... Закончу ли я когда-нибудь логически это повествование?

Мне уже шестьдесят! Я пенсионер!

Уже четвёртый внук, Семёнчик, сын моего сына, в этом году пойдёт в первый класс, а на будущий год и самая младшая, Вероника (Манюня), тоже станет школьницей.

Я уже инсульт успел схлопотать, уже нигде не работаю. Иногда бывает слишком плохо, до того, что никого не хочется видеть, всё побоку, что будет, то и будет и не страшно ни сколько. Но чаще – ленюсь.

Но куда я дену воспоминания?

Восемь лет я проработал в химлесхозе, вернее сказать восемь лет прожил в тайге. Причём жил там круглый год, до-

мой приезжал на выходные и в отпуск. Но какие это были отпуска!

Мы всей семьёй ездили в Закарпатье, на родину жены. Там у меня были, теперь уже были, изумительные люди – тещь и тёща. Теперь уж их нет, как и моих родителей. Там осталось не мало родственников – сестра жены Иришка, её дети, мои племяши, её старший брат со своей семьёй. Вот и я сдал. Буквально до 60-ти лет был ещё живчик, никакие болезни ко мне не преставали, ну почти. А тут резко и до инсульта. Теперь мне только остаётся вспоминать тот райский уголок – Закарпатье.

Но я снова отвлёкся.

Жизнь в лесу, особенно работа, была очень тяжёлой. Описать её невозможно, её надо прожить. Но вот почему-то вспоминается она гораздо чаще всего остального, причём с ностальгией. Я вообще мог бы о жизни в лесу и о собаках говорить и говорить и даже книгу написать, но вот уже и писать не могу – подчерк стал ужасный... разволновался, а мне нельзя.

Постараюсь прерваться ненадолго. Так много хочется рассказать!..

Эпилог.

Последняя запись в дневнике моего отца датирована пятым апреля две тысячи двадцать вторым годом, за пять ме-

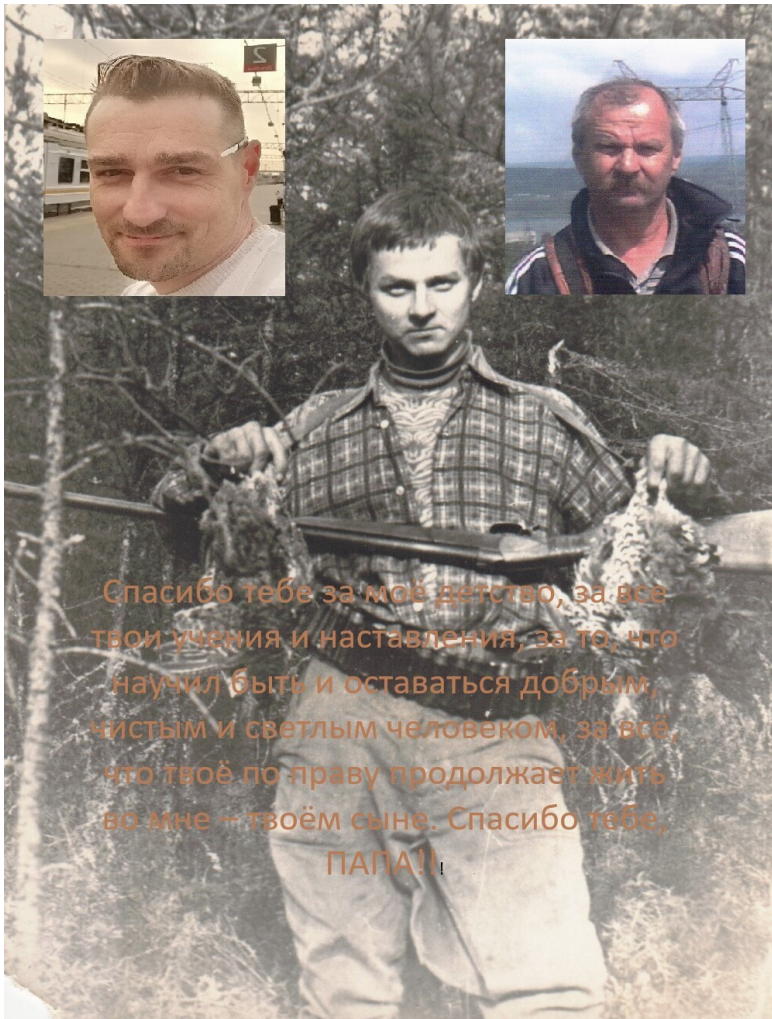
сяце до его смерти. Плохо разборчивым подчерком он прощался со своей женой, сестрой, братом... и просил у всех прощение. Я не стал публиковать её тут, посчитал слишком личным, что ли.

Вспоминая своё детство и завораживающие рассказы отца своим друзьям о тайге, я понимаю, как много он мог бы написать о своей работе в химлесхозе. О том, как после жизни в лесу, он, став плотником краснодеревщиком и устроившись на работу на ЛДЗ, с трепетом и любовью создавал мебель. О том, с каким азартом он писал программы по выведению потрясающих рисунков на фасады мебели для своего станка ЧПУ. О том, какие великолепные шкатулки он мастерил из разных пород древесины. Но больше и красочней всего – это конечно были для него тайга, охота и собаки!

Он часто мечтал о том, что, набравшись сил, напишет книгу о своей увлекательной жизни, но, суровые условия выживания и огромное желание обеспечить всем необходимым свою семью, не позволили ему осуществить мечту.

Его богатый внутренний мир, гамма эмоций и желание поделиться всем этим великолепием с другими передались мне по наследству. Я с детства любил писать рассказы, повести, стихи и теперь понимаю от куда во мне всё это.

Спасибо тебе за моё детство, за все твои учения и наставления, за то, что научил быть и оставаться добрым, чистым и светлым человеком, за всё, что твоё по праву продолжает жить во мне – твоём сыне. Спасибо тебе, ПАПА!!!

Спасибо тебе за моё детство, за все твои учения и наставления, за то, что научил быть и оставаться добрым, чистым и светлым человеком, за всё, что твоё по праву продолжает жить во мне – твоём сыне. Спасибо тебе, ПАПА!!